

Маргарита Лаврик

Заблудившееся счастье

Маргарита Лаврик Заблудившееся счастье (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16906270

Заблудившееся счастье (сборник): izdat-knigu.ru; Москва; 2015

Аннотация

Анна. Так зовут героиню книги. Она росла в детдоме. Еще в роддоме от нее отказалась мать, затем ее удочерили, но вскоре отдали обратно, в семье появился свой малыш. Очень рано она поняла, что больше не хочет быть удочерённой.

Переступив порог во взрослую жизнь, она повстречала мужчину, с которым попыталась создать семью. Не получилось. Через несколько лет судьба свела ее с Романом. Опять препоны на пути к счастью. Однажды она закрыла за ним дверь и в отчаянии крикнула. «Ау! Счастье мое! Где ты заблудилось?»

Счастье было рядом, но она не замечала его. Дмитрий. Однажды взгляды их встретились. «Ты меня забыл? – спрашивали ее глаза. – Нет. Это не в моих силах. – отвечали его глаза. – Ты мое заблудившееся счастье.»

Содержание

Заблудившееся счастье	4
Часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Маргарита Лаврик

Заблудившееся счастье (сборник)

Заблудившееся счастье

Часть 1

Наши корни

1

Роман сидел на берегу своей любимой с детства реки Половинки. Называлась она так, потому что делила когда-то, большую деревню пополам. Одна из деревень, имела название «Большая Новая», другая «Малая Новая». Вода в речке была тёмной, так как брала начало из болот, и раньше, по словам старожиллов, была намного шире, чем сейчас. Случилось это по тому, что было время, когда начали осушать болота. В данное время, это скорей не река, а речка, речушка, речонка. Ибо, она была шириной всего около десяти мет-

ров, а может и того меньше. Заросли кустарника по берегу, наклонившиеся над водой, сузили её, и потому она казалась совсем узкой. На этом месте, где он сидел, ребята со всей деревни собирались рыбачить. Здесь, под берегом, ловили раков, жгли костёр, варили уху. Не было ничего прекраснее на свете, как сидеть у костра, смотреть на искры, летящие к небу, слушать байки от старших ребят, позабавиться над теми, кто боялся страшилок. Хорошее же было время! Как жалко, что никогда уже не вернуться в него, не ощутить радости от общения с друзьями. А, ведь прошло не так уж и много лет. Он огляделся по сторонам. Построили новый мост, а старый, совсем рядом, забыли снести. Сейчас, обломки его, крест-накрест, полностью завалили участок реки, где друзья любили прыгать в воду. Вода с шумом перекачивается через брёвна, остатки досок. Сняв с себя одежду, Роман решил исправить деяние строителей моста. Окунувшись в воду, он почувствовал и даже узнал ощущение детства. Радость от его соприкосновения, прибавило ему силы и уверенности. Захватив в объятие одно из брёвен, он напрягся и сделал усилие над тем, чтобы сдвинуть его с места. Не получилось. Одними руками здесь ничего не сделать, нужна механизация. Собравшись, было выйти из воды, он услышал сверху, над собой, звонкий детский голосок.

– Дядь! Ты чего там делаешь?

Роман посмотрел вверх. На мосту, перегнувшись через перила, стояли двое мальчишек. Он решил пошутить над ни-

ми.

– Русалку поймал, а она ускользнула от меня. Жду, может ещё покажется.

– Заливаешь! Тут русалки не водятся. Если только чёрта поймаешь. Тут же омут был.

Они с издевательским смехом, пошли в сторону деревни, на ходу крутя пальцем у виска, оглядываясь на Романа. Он вспомнил себя в их возрасте. В эту деревню его привезли родители, когда ему исполнилось только семь лет. Отец и мать Романа были метеорологами. Они получили в тот год назначение на работу в Заполярный круг. О такой работе всегда мечтали и потому воспитание своего ребёнка они доверили деду с бабушкой на целых два года. Прощание их было не из лёгких. Были слёзы, и смех сквозь слёзы, капризы, уговоры. И, только обещание деда научить внука настоящей рыбалке, смягчили душу маленького мальчика. Он согласился на разлуку с любимыми родителями. Через два года он узнал, что его отец, при неизвестных обстоятельствах, погиб, или пропал. Мать вернулась к сыну, но не смогла смириться с потерей любимого. Она начала пить, и, в конце концов, покончила с собой. Мальчику долго не говорили о том, что её нет в живых, но на деревне трудно скрыть тайну. Сердобольные старушки, при встрече с ним, гладили его по голове, приговаривая при этом.

– Сиротинушка, ты наш! Нет теперь у тебя ни батьки, ни матки!

И совали ему в руки конфеты и пряники. Роман стал прятаться от всех, тихо подвывая в каком-нибудь уголке, чтобы случайно кто не увидел. Дед с бабушкой как могли, успокаивали его.

– Какой ты сирота! У тебя есть мы. Ты наш самый любимый и дорогой человек на свете.

Так оно и было. Они очень любили своего внука, баловали, но не жалели. Постепенно, горечь от потери родителей прошла, жизнь пошла своим руслем. Роман окончил школу, выучился в институте, стал работать инженером на заводе. Жил он теперь в городе, но никогда не забывал о бабушке с бабушкой. Однажды, он помогал им делать ремонт в доме. На чердаке Роман нашёл коробку с письмами и фотографиями. Его заинтересовал один снимок, на котором была его мама с младенцем на руках, рядом стоял молодой мужчина, который был совсем не похож на отца Романа. Спустившись вниз, он показал фото деду. Тот долго смотрел на карточку, но ничего не ответил на вопрос внука, кто этот мужчина рядом с мамой. Лишь на его глаза навернулась большая слеза, которая скатилась по его морщинистому лицу. Роман не стал задавать второй раз тот же вопрос. Он знал, что дед, обязательно на него ответит, как только сочтёт нужным. Вечером дед вызвал Романа на улицу и признался.

– Это твой настоящий отец. Он иностранец. Ты почитай письма и всё сам поймёшь.

Роман перечёл все пять писем, которые лежали в короб-

ке, несколько раз. Из всего прочитанного, он узнал историю первой любви своей матери к его биологическому отцу. Оказалось, что они познакомились, когда учились в институте. Коста, так звали отца Романа, учился на последнем курсе. Марина, мама Романа, только что поступила на первый курс. Встретились они совершенно случайно, на картофельном поле в колхозе. Он пригласил её погулять, взял за руку и больше не выпускал её из своей руки. Любовь не признаёт национальностей, возраста, другого языка. После окончания института, Коста остался в России учиться в аспирантуре, чтобы только не расставаться со своей любимой. Когда у них родился Ромео, так сына назвал отец, они поженились. Потом случилось то, чего не ожидал сам Коста. Его отец, который жил в Греции, узнав, что сын женился на русской, сделал так, что сыну, пришлось, вернуться в лоно семьи. Были предприняты все способы, удержать его около себя. Свидетельство об их браке аннулировали, опять же это сделал отец Косты. Когда Ромео исполнилось три года, Марина вышла замуж за своего коллегу, с которым вместе работала. Ромео стал Романом, он был усыновлён новым мужем Марины.

Вот что понял из писем и записей Роман о своём происхождении. Он ещё долго сидел на чердаке, переваривая это известие. Никто и никогда, ни одним словом или намёком, не разглашал тайну его рождения. Правда, когда его первый раз привезли в деревню, некоторые любознательные личности, шушукались, приставали к старикам с разными расспро-

сами, намекали, что парень-то не в мать не в отца, а в проезжего молодца. Но, как это обычно бывает, вскоре, все забыли об этом факте.

– Значит, я был Ромео. – Говорил сам с собою Роман. – Не хватает только Джульетты.

А Джульетта была, только звали её Нина, Нинель – так она называла себя. Роман встречался с нею уже три года. Она держала его при себе, как запасной вариант: то приблизит к себе, то отодвинет. Он не готов был к серьёзным отношениям, потому не очень огорчился на счёт её поведения. Он считал, что девчонка заигралась со своей любовью к противоположному полу. Перебесится, говорил он своим друзьям. С ней Рома и поделился своей новостью. Нинель отнеслась к этому очень горячо. Она каждый день напоминала ему, что он должен обязательно разыскать своего биологического отца. Как ни странно, но теперь Нина всегда находилась рядом, заботилась о нём, говорила, что любила и любит только его, единственного. В конце концов, она сделала всё, чтобы они поженились. Вот тут и проявилась её бурная деятельность по розыску отца Романа. Она подняла все архивы института, где он учился. Через полгода розыска, в её руках был адрес Константина. В то время, он жил в Австралии. Роман был категорически против того, чтобы встретиться со своим отцом, а тем более ехать туда, но Нина настаивала. Ей не терпелось, как можно скорей, как она говорила, свалить за рубеж, где они смогут, при поддержке его отца,

обрести новый статус в жизни. Роман сдался. Когда он объявил своим дедам о решении переехать жить в Австралию, где его ждал с большим нетерпением родной отец, те не знали, как реагировать на его признание. Что они могли сделать в этой ситуации? Ничего. Роман взрослый мужчина, сам решает, как ему дальше жить. Пообещав дедушке с бабушкой, что они едут в Австралию ненадолго, их внук со своей женой, покинули Родину.

– Я больше его никогда не увижу. – Со слезами на глазах, сказала Мария Павловна.

– Что ты говоришь, Машенька! Наш Ромка никогда нас не забудет. – Успокаивал её Василий Кондратьевич, хотя, сам не был уверен в своих словах.

Так и получилось. Замотался их Ромка за границей, закружила его та жизнь. Знакомство с родным отцом, новые лица, большие возможности, – и вот уже забыты все, кто ему когда-то были так близки, и так дороги.

Телеграммы на день рождения, на Новый год, и три-четыре письма за всё время.

Прошло десять лет. После тяжёлого заболевания, скончалась бабушка Романа. Аня, что жила последние три года со стариками, послала телеграмму на имя Романа, но он не приехал. Не выдержав кончины супруги, через два месяца, на её могиле, от сердечного приступа умер дедушка. Аня отослала Роману ещё одну телеграмму, но он опять не приехал. Не выдержав такого бессердечия к своим род-

ным, Аня решила, во что бы то ни стоило, добить нерадивого внука телеграммами. Она посылала их ему каждый месяц, в течение полугода.

2

Роман сошёл с электрички и знакомой дорогой направился к своему родному дому. Сначала он шёл медленно, с интересом наблюдая за прошедшими изменениями вокруг. Новые технологии в строительстве, новые материалы, сделали неузнаваемыми селения. Когда-то, это были серые приземистые дома, стоявшие по обе стороны дороги, с облупившейся краской. Покосившиеся заборы, заросшие канавы ушли в прошлое. Сейчас совсем иное дело. Всё сияло разноцветными красками, дома улыбались новыми светлыми окнами, во дворах беседки, почти около каждого дома стояли машины. Роману захотелось, как можно быстрее оказаться рядом с домом, в котором он вырос. Ноги его начали отчеканивать шаг с удвоенной скоростью, а оказавшись совсем рядом с деревней, он уже бежал. Чтобы не идти по улице, где бы его могли узнать, он свернул с дороги и пошёл околицей. Их дом стоял на самом краю деревни. Тропинка, по которой когда-то они с ребятами бегали в школу, почти заросла, но было заметно, что она здесь была. Высокая трава не давала двигаться быстрее, чем ему хотелось, но Роман продолжал свой бег к родному дому. Что его ждёт в опустевшем доме? Стыд,

раскаяние? Перед кем он теперь будет каяться, что оставил, бросил родных ему людей. Ради чего? Он и сам не понимал, как такое могло случиться с ним. И, как теперь жить с таким грузом в душе и на сердце? Получив телеграмму, что его дедушки и бабушки нет в живых, что их не стало почти год назад, он вдруг очнулся. Спала густая пелена с его глаз. Почему, как случилось так, что он не узнал об этом раньше? Знала обо всём его жена, но она сделала всё, чтобы об этом факте не узнал он. Почему?

– Зачем ехать к чёрту на кулички, когда их уже нет, когда их схоронили без тебя. Кому ты теперь там нужен? У тебя здесь работа, отец, я. Здесь твоя семья, здесь твоя жизнь, здесь твои обязанности.

Роман смотрел на неё и дивился сам себе. Как он мог жить столько лет с чужой ему женщиной? Он не находил слов, чтобы правильно ответить на её слова. Молча, без всяких объяснений, не смотря на её крики и угрозы, он собрал вещи и уехал в аэропорт.

Увлёкшись размышлениями, Роман не заметил, как оказался на подкосине своего деда. Сейчас на ней паслись козы. Услышав приближающиеся шаги, они подняли вверх головы, перестали жевать и испуганно смотрели на Романа. На небольшой скамеечке, чуть в стороне, сидела женщина. Она повернула голову в сторону незнакомца. Приставив ладонь ко лбу, долго всматривалась в лицо человека, который так бесцеремонно, остановил процесс пережёвывания травы

её любимых коз.

– Здравствуйте баба Сима! – Обратился к ней Роман.

– Кому баба Сима, а кому и Серафима Михайловна.

Роман был обескуражен ответом соседки. Не может быть, чтобы она его не узнала? Он сказал ей.

– Серафима Михайловна, посмотрите внимательнее, это я, Рома, ваш сосед.

– Вижу, не слепая. Век бы не видели тебя мои глаза. Чего приехал? Или совесть замучила? Как только тебя земля-матушка держит. Тебе не стыдно смотреть мне в глаза? Басурман.

Роман опустил глаза в землю. Он не знал, куда себя деть, от уничтожающих слов бабы Симы в его адрес.

– Стыдно, баба Сима, стыдно. Я искуплю свою вину перед дедом и бабушкой.

– Кому нужны теперь твои искупления. Живых нужно было чтить и не забывать. – Она с горечью вздохнула. – Дед и баба очень нуждались в твоей поддержке, во внимании. Нет тебе прощения на этой земле, коли ты так поступил с ними. Спасибо господу богу, что он послал им одну сироту, которая была с ними до самой их кончины, ухаживала, делала всё, чтобы скрасить их одиночество. Если бы не она, то они ещё раньше бы умерли.

Баба Сима поднялась со стульчика, подошла ближе к Роману, внимательно посмотрела в его глаза. Он отвернулся от её пристального взгляда.

– Ответь мне Ромка, почему вы, молодые, такие чёрствые? Мы растили вас по законам наших предков, по божьим заповедям. Неужели, сейчас, в это время, законы и заповеди изменились? Ничего не стоит забыть, оставить на произвол судьбы тех, кто отдал бы за вас свою жизнь. Я говорю тебе это, не потому, что только ты виноват. Мне очень горько сознавать, но мои дети, внуки не лучше тебя.

Она вытерла глаза концом платка, громко сморкнулась туда же, потом тихо, сама себе сказала.

– Получается, что и Библию нужно переписывать!?! Иди уже домой. Анютку не обижай. Она, девушка, хорошая.

Роман извинился перед ней, попрощался и с опущенной головой пошёл к своему дому. Он хорошо понимал, что упрёков в свой адрес, от односельчан, получит сполна, только огребай.

Ему было так стыдно, так паршиво на душе, что он прошёл мимо своей калитки, в сторону реки. Здесь, на пригорке, недалеко от дома, был когда-то вырыт погреб для овощей, солений. Дверь в погреб, которая была полуоткрыта, висела на одной петле и от небольшого ветра покачивалась из стороны в сторону, поскрипывая на ходу. Скрип её был так жалобен, что отдавался в раненой душе Романа ещё большей тоской, навалившейся на него. Небольшая скамейка, что стояла около погреба, вросла в землю и напоминала трухлявый пенёк, который вот-вот рассыплется от чьего-либо прикосновения. Роман не стал к нему прикасаться, пусть сто-

ит, она напоминала ему те времена, когда бабушка, выходя из погреба, ставила на эту скамейку банку с огурцами или ведро картошки. Бросив сумку на землю, он снял с себя пуловер, расстелил его и сел. Земля оказалась тёплой, трава мягкой. Как в далёком детстве захотелось прокатиться кубарем с пригорка прямо к речке. Роман оглянулся вокруг, не смотрит ли кто, лёг на бок, оттолкнулся от земли руками и покатился вниз. Такая радость в душе появилась, что он не сдержался и рассмеялся.

Остановив своё движение, он долго лежал с открытыми глазами, уставившись в небо.

– Мама, смотри, дядька пьяный валяется.

– Не подходи к нему Николаша.

Роман повернул голову в сторону и увидел рядом с собой девушку в коротком, простеньком сарафанчике, который очень шёл к её загорелому телу. Пушистые светлые волосы обрамляли её голову, сзади они были связаны голубой лентой, и в отблеске солнца казалось, что она напоминает собой распутившийся одуванчик. Светло-серые глаза внимательно рассматривали Романа. Он, даже успел заметить маленькие точки веснушек на её вздёрнутом носике. Рядом с ней стоял светловолосый мальчик лет пяти-шести, с такой же кудлатой, светлой головой. Наверное, это и есть Анята с сыном, подумал он. Какая красивая и совсем ещё молоденькая! Он встал и представился.

– Роман Ронжин. Я только что с электрички. Вот, вспом-

нил детство, прокатился сверху на боку.

Он потрепал Николашу по светлой шевелюре.

– И, совсем, я не пьяный.

Анюта подвинула к себе сына. Она, почти, враждебно посмотрела на Романа.

– Ну, надо же, не прошло и года, как любимый внук соизволил приехать на похороны. Что же вы, Роман Максимович, так долго собирались?

– Вы простите меня, но я ничего не знал. Моя жена прятала от меня ваши телеграммы.

– Конечно, легче всего свалить всю вину на жену, а самому оставаться белым и пушистым.

– Вы в праве меня критиковать, но это так и было. Мне стыдно признаваться в этом.

Анюта взяла сына за руку и пошла вверх по косогору. Роман смотрел ей вслед и почувствовал, как от встречи с ней, у него по всему телу пошёл холодок. Как ему теперь показаться в своём доме? Как наладить контакт с ней? Больше всего, ему не хотелось бы, чтобы Анюта думала, что он конченный негодяй. Ему хотелось, чтобы она поняла его и простила за дедушку и бабушку. Кто, кроме неё, сделает это? Совершенно подавленный, он поднял сумку, махнул рукой, как всё равно отрезал все сомнения. Чему быть – тому не миновать. Анюта должна его понять и рассказать ему о последних годах, днях жизни его родных. Роман подошёл к калитке, взялся за витую ручку и вдруг почувствовал, что у него

нет сил, чтобы войти во двор своего дома. Десять лет его не было здесь. Всё ли тут на месте? Может, за эти годы, многое изменилось? Он и не догадывался пока, что здесь, в доме его дедов, совершенно ничего не менялось. Им было не до этого. Все их мысли, днём и ночью, летом и зимой, десять лет были заняты одним, как живётся их мальчику в далёкой стране, здоров ли он, помнит ли их, как помнят они его. Всё это придётся ему узнать, узнать многое, о чём он и не догадывался. Роман осторожно открыл большую дверь калитки, она тяжело застонала и впустила во двор своего долгожданного скитальца. В глаза сразу бросилась удивительная чистота двора. Как и полагается в хорошем хозяйстве, каждая вещь, инструмент – всё было на своих местах. Большая клумба цветов ярко сияла разноцветием. Рядом с летним домиком, как и прежде, стояла будка собаки. Где же сама собака? Роман тихо свистнул. Из-за будки показалась знакомая морда пса. «Бард!» Этого пса, Роман привёз в деревню за год перед отъездом. Он подобрал его на улице, в городе.

– Старина «Бард». Как же я рад тебя видеть! Ты-то хоть рад моему возвращению?

«Бард» поднял вверх уши, наклонил голову в одну сторону, потом в другую, заинтересованно разглядывая пришельца. Только после повторного призыва человека к нему, он вдруг что-то начал вспоминать. Хвост его приветливо замахал. Когда Роман подошёл к нему и погладил по голове, он всё вспомнил. Лизнул своему молодому хозяину ру-

ку, дотянулся до лица. Радости его не было предела. Видимо, он скучал по деду, и сейчас, выражал эту радость Роману. Они, как большие друзья, встретившиеся после долгой разлуки, не могли наговориться друг с другом, не замечая, что из окна дома за ними наблюдают.

– Ну, дружище, как тебе жилось эти годы? Молчишь? А, мне есть, что сказать. Сволочь я. Понимаешь? Вот ты, молодец. Не бросил своих хозяев и сейчас страдаешь по ним. Я, тоже, страдаю, но, всё равно, сволочь.

Роман обнял пса за шею, уткнулся в его благодарную морду, и сам не заметил того, как из глаз полились слёзы. Так тяжело ему ещё никогда не было. Он гладил пса по шерсти и говорил ему, говорил. Пёс, чтобы успокоить его, встал, зашёл за будку и вскоре вышел оттуда с большой костью в зубах, которую положил у ног Романа.

– Спасибо дружище! Ты простил меня? – Пёс зевнул, лёг на землю, положив голову на колени хозяину. Значит, у меня не всё потеряно, подумал Роман.

– Роман Максимович! Идите в дом, обед стынет. – Услышал он голос Анюты.

Переступив порог родного дома, он сразу же увидел на передней стене четыре большие фотографии: мама, папа, дедушка, бабушка. Родные лица смотрели в его сторону, приветствуя его появление. Роман подошёл к ним, поздоровался с каждым, встал на колени перед ними.

– Я виноват перед вами. Простите меня, если сможете.

Когда он повернулся к Аниуте, чтобы и у неё попросить прощения, то ни её, ни её сына, в доме не было. Он понял всё. Они не хотели ему мешать при встрече с родными.

3

Быстро же расходятся слухи на деревне. Через час, в магазине, где все узнают последние новости, знали, что из Австралии приехал Ромка Ронжин. Эту весть туда принёс Володька Капустин, с которым Роман дружил в детстве. Потом их судьбы разошлись по разным сторонам. Володька пристрастился к спиртному, нигде не учился, с грехом пополам отслужил в армии, а демобилизовавшись, сел на шею престарелых родителей. Сейчас он канючил у продавщицы Зинки очередную бутылку водки. Та отнекивалась от него.

– Нет у меня водки, запрещено ею торговать. Ты со вчерашней попойки ещё не оклимался.

– Да ладно тебе заливать-то, водки у неё нет. Пошарь под прилавком. Если хочешь знать, то у меня повод и очень даже интересный, особо для тебя.

– Ой, ли! Повод у него. У тебя каждый день повод. Стариков бы пожалел. Сколько ещё они будут на тебя горбатиться?

– Не твоё дело. Сколько надо, столько и будут. Я их не просил меня рожать, а коли родили, то пусть и выкручиваются.

Что тут поднялось! Чуть ли не с кулаками пошли на него бабы. Затрещали прилавки. Зинка испугалась, вдруг разне-

сут её магазин в щепки. Громко призвала всех к порядку.

– А, ну, остыньте все! Устроили мне тут бучу. Говори, что за повод?

– Дай бутылку, скажу.

Зинка поняла, что от Володьки просто так не отделаешься. Выставив бутылку на прилавок, она с вопросом в глазах, уставилась в лицо вымогателю. Володька сглотнул слюну, и, не спуская с заветной тары глаз, сказал.

– Ромка Ронжин вернулся. Помнишь такого? Не ты ли по нему когда-то сохла? Бабка Сима сказывала, что он крутой бизнесмен. Зинка, отдай бутылку. Я сейчас пойду к нему, надо с другом повидаться, да и стариков помянуть.

В магазине опять загалдели.

– Видать совесть проснулась!

– Бросил стариков на произвол судьбы!

– Что за молодёжь пошла!

Бабка Дарья, сгорбленная от старости пополам, постучала клюшкой об пол, привлекая, таким образом, к себе внимание, прошамкала пустым ртом.

– Бабы, никак не пойму, что за оказия такая, бизнесмен. Растолкуйте мне, а то помру, да так и не узнаю.

– Бабка Дарья, – сказала Зинка, – тебе это уж и ни к чему, раз помирать собралась. Бизнес – это дело. Вот к примеру. Васька купил себе мотор за пятьсот рублей, продал за тысячу. Вот это и есть бизнес.

– Да, кто купит этот мотор за тысячу? – Возмутился дед

Егор. – Что же это получается, кто не сеет и не пашет, а денежки огребают? Не правильно всё это! Мой сосед, давеча, свёз на рынок десять кабачков, хотел хоть на хлеб выручить. Подскочил к нему молодчик с кошельком на поясе. С вас, гражданин, пятьдесят рублей за место. Ежели он за эти кабачки пятьдесят рублей не выручит? Зачем тогда и торговать. Привёз обратно домой, да скормил корове. Вот и весь бизнес.

Тут, конечно, все опять зашумели. Правда, твоя Егор. Молоко в магазине стоит вон сколько, а с фермы увозят в пять раз дешевле. Что делать народу в таком случае? Пришлось Зинке успокаивать всех.

– Знаете что? В моём магазине криком ничего не возьмёшь. Здесь не Красная площадь, где бы, возможно, вас слышали. Так, что успокойтесь, берегите свои нервы и силы на сенокос, не за горами уже. Хватит рты раззевать. Машина с хлебом пришла, помогите мне разгрузить её, быстрее дома окажитесь.

Ей хотелось как можно быстрее выпроводить из магазина орущую толпу. Известие о возвращении домой Ромки Ронжина, всколыхнуло в сердце деревенской красавицы ту любовь, которую она испытывала к нему в юности. Она, ещё учась в школе, влюбилась в Ромку и ждала, что он когда-нибудь, будет её. Роман предпочёл другую девушку, которая увезла его далеко. Зинка долго не могла поверить, что всё кончилось, ждать больше некого. В двадцать семь

лет она вышла замуж за своего соседа, прожила с ним пять лет, родила сына и разошлась. Не получилось. Не было любви, какой ей бы хотелось. Она отшучивалась, лишь бы кто-то был рядом – это не для меня. Она встречалась с разными мужчинами, но никому не отвечала взаимностью. Ей хотелось большой любви, чтобы как в кино, как в романе, в пенсне. Никто не смог её ей дать. Ромка! Какой он сейчас? Она сегодня же пойдёт к нему в гости. Зина посмотрела на часы. Как медленно тянется время? До закрытия магазина целых два часа. Уйти раньше не было возможности, постоянно кто-то находился перед прилавком. Пришли сёстры Смирновы. Им было по семьдесят лет. Худощавые, вёрткие старушки никогда не были замужем, всю пенсию они пропивали на чае с конфетами. Их так и звали, две Устья, живут, как рукава спущая. Они знали все новости в своей деревне и в соседних деревнях. Сейчас, перебивая друг друга, выкладывали Зинке, всё, что узнали в последние дни.

– Палька ленинградский устроил под крышей своего дома наблюдательный пункт. Купил биноклю и теперь все деревенские у него под наблюдением.

– А его Клавка, ходит по своему участку в одних трусах. Срамота одна. Бабе шестьдесят лет, а ведёт себя, как совсем молоденькая девчонка.

Зинка не выдержала их трескотни, и указала им на дверь.

– Ты не слышала ещё самой главной новости. Ромка Ронжин вернулся. Говорят такой важный, богато одетый, весь

в золоте. Пришёл домой и сразу же сказал Аннушке, что теперь он здесь хозяин. Во как! Неправильно это. Девка так старалась, ухаживала за его стариками. Тьфу!

– Вам кто сказал такую ересь? Ромка не мог такого сказать.

– А вот и сказал. Капустин был у него и всё сам слышал. Дверь в магазин открылась, и вошёл сам Капустин. Сестёр, сразу же, как ветром сдуло. Тот достал из кармана деньги и подошёл к прилавку.

– Зинка, возьми с меня долг и дай ещё одну бутылку.

– А дырку от бублика не хочешь? – Рассердилась Зинка. – Где деньги взял?

– Где взял, там уже нет. Хороший человек дал. Что ты смотришь, как следователь на преступника? Не украл. Ромка дал.

– Говори, как на духу. Соврал, что Ромка выгнал Анютку?

– Не выгнал, так выгонит ещё. Зачем ему нужна приживалка в доме.

– Дурак ты, Капустин, и не лечишься. Ромка не твоего поля ягода. Это ты за бутылку продашь кого угодно. Пошёл вон отсюда. Глаза бы мои тебя никогда не видели. Алкаш!

Капустин понял, что сморозил глупость и выскочил из магазина, как ошпаренный. С Зинкой шутки плохи.

Наконец-то пришло время закрывать магазин. Прежде, чем это сделать, Зинка решила покормить пса, который неизвестно откуда взялся и теперь добровольно караулил ма-

газин за подачку.

– Ешь «Бомжик», ешь. Если бы ты умел говорить, то наверняка бы сказал, чей ты и кто тебя так бессовестно предал. Ты потерпи немного, построю будку и заберу тебя к себе. Кто бы только её построил?

«Бомж» преданно лизнул кормилице руку. Ясно, что теперь, я только твой, и больше ничей, говорил его взгляд. Зинка потрепала пса по загривку, закрыла магазин и пошла не домой, а совсем в другую сторону.

4

Роман сидел на крыльце дома и курил одну сигарету за другой. Воспоминания о той жизни, до его отъезда в Австралию, накрыли его с головой. Он ясно, как сейчас, видел своих дедов перед собой. Вот дед пришёл с покоса. Рубаха была вся мокрая от пота. Его лицо приветливо смотрело на внука, который только-только проснулся, и протирал глаза руками. Бабушка с полотенцем в руках, поливает из ковшика воду в руки деда. Она улыбается, что-то ласково говорит ему, потом выносит кринку с квасом. Дед пьёт хлебный напиток, смачно крякает, садится на лавку и подзывает к себе внука. Сердце Романа защемило от тоски, которая не покидала его с того времени, как он получил телеграмму об их кончине. Он всё ещё не мог поверить, что их нет больше в его жизни. Если бы можно вернуться назад, к тому времени, ко-

гда они жили вместе, он никогда бы их не оставил. Все так говорят, и я не исключение. Что имеем – не храним, потерявши – плачем. Роман встал, подошёл к летнему домику, под крышей которого, были прикреплены удочки. Давненько, видимо их не брали в руки. Когда уехали его родители, оставив сына на воспитание дедам, на другой же день дед позвал внука с собой на речку. Вырубил гибкий прут ивы, обстругал его, достал из широкого кармана комбинезона жестяную коробку со снастями. Маленький Ромка, заморожённо наблюдал, как дед приладил к пруту леску, надел на неё поплавок, грузило, прицепил маленький крючок. Из другой коробочки достал червя, нанизал его на крючок, поплевал, закинул в воду и вручил это сооружение Ромке.

– Внимательно смотри внучек за поплавком. Как только он дёрнется, резко подсекай. Тогда рыба будет твоя.

Ромка, до рыби в глазах, следил за поплавком, но он стоял на одном месте. Ноги и руки маленького мальчика затекли, хотелось бросить всё и сесть, но он побаивался деда и продолжал стоять. Ему тогда повезло. Он поймал маленькую рыбёшку. Как он радовался! Дед похлопал внука по плечу и сказал.

– Устал? Вот так внучек. Без труда, не вытянешь и рыбку из пруда. Запомни это на всю жизнь. Не станешь трудиться, не получишься из тебя человека. Ромка запомнил слова деда, и старался следовать его науке.

С досады на самого себя, Роман стукнул кулаком по сте-

не дома. Как всё исправить? Как сделать так, чтобы можно было продолжать жить дальше? Горечь от утраты единственно родных ему людей, съедала его изнутри. Какая же я скотина, как я мог допустить такое? Права баба Серафима, нет мне прощения. И всё-таки, я попробую искупить свою вину. В его голове созрел один план. Когда-то в их деревне стояла маленькая часовенка. Бабушка всегда сокрушалась, что её не стало.

Нужно будет восстановить её. Пусть хоть другие старики порадуются её возврату. Настроение немного поднялось. Он решил сходить к Петровичу и рассказать тому о его задумке. Дверь из дома отворилась. На крыльцо вышла Аня с сыном. В руке её была большая вещевая сумка.

– Вы куда-то собрались? – Поинтересовался Роман.

– Хозяин приехал домой, нам пора съезжать.

– Куда съезжать?

– Поживём пока у бабушки Симы, а там посмотрим.

– Почему, к бабе Симе? Что вас здесь не устраивает? Если я вам мешаю, то могу перебраться в летний домик. Да, и, почему такая срочность? Не понимаю, а как же я? Вы мне очень нужны. Я без вас здесь, как без рук.

– Если я вам очень нужна, то почему все говорят, что вы меня выгоняете? Сказали бы прямо мне, а не Капустину.

– Я ему ничего не говорил. Хотя, я понимаю, откуда ветер дует. Вот, паршивец, ну я ему задам! А, вы никого не слушайте. Здесь деревня. Один соврёт, другой прибавит, третий

умножит. Так рождаются сплетни и небылицы. Дайте мне сумку и возвращайтесь в дом. В нём вы хозяйка и больше никто.

Он занёс сумку Ани в дом, а сам пошёл к Петровичу, чтобы поговорить с ним о часовне. В дверях калитки Роман столкнулся с Зинкой.

– С приездом Роман Максимович!

– Здравствуй Зинаида. Зачем так официально? Разве мы не друзья детства?

– Друзья. Конечно друзья. Ты далеко собрался?

– Хотел к Петровичу зайти, но раз ты здесь, я в твоём распоряжении.

Роман провёл подругу детства к скамейке и попросил присесть.

– Ты не приглашаешь меня в дом?

– Там Аня с сыном. Не станем им мешать. Ты тоже пришла меня отругать? Давай, я заслужил это.

– Не стану я тебя ругать, не имею на это право, хотя, ты правильно сказал, заслужил. Все мы не без греха, спотыкаемся о пороги жизни, потом исправляем то, что сотворили собственными руками. Я желаю тебе самому разобраться в себе. Советов не даю, это не благодарное дело.

– Ты стала мудрой. Как живёшь?

– Живу, хлеб жую. Мог бы и не спрашивать. Какая может быть жизнь в деревне, когда кругом всё разрушено. Люди болтаются без работы. Молодёжь вся в городе, а стари-

ки живут на три Д: донашивают, доедают, доживают. Вот такая наша невесёлая деревенская участь. Ладно, что мы всё о грустном. Завтра суббота, придут ребята из нашего класса. Ты, наверное, забыл, что мой день рождения летом. Приходи. Я приглашаю. Вспомним детство золотое, юность. Нам ведь есть что вспомнить? Особенно тебе и мне.

– Хорошо, я постараюсь.

Он проводил Зинку до калитки. К Петровичу расхотелось идти. Зинаида разворошила его память о давней жизни в деревне. С ней он учился с первого класса до окончания школы. Конечно же, это было незабываемое время. С пятого класса они стали посещать поселковую школу, до которой надо было идти четыре километра. Чего они только не творили во время пути в школу, а потом домой. Володька, Серёга, Васька были друзьями с самого, можно сказать, рождения. Ромка присоединился к ним с первого класса. Все они выпендривались перед Зинкой, завоёвывая её внимание. Она выбрала Ромку. Был выпускной вечер, после которого, они всей гурьбой возвращались домой. Расставаться никому не хотелось. Володька притащил бутылку вина, и они её распили напоследок, пустую бутылку закопали под сосной. Когда-нибудь, мы соберёмся все вместе, откопаем её и вспомним наши школьные проделки. Неожиданно пошёл сильный дождь, который разогнал их компанию по домам. Зинка затащила Ромку к себе, на сеновал. Её платье сильно намокло, очертив пышные формы её фигуры. Ромка смот-

рел на неё и впервые, в его голове промелькнула мысль, что неплохо бы её прижать к стенке и сотворить что-нибудь этакое. Не успел он только подумать, как Зинка сама прижала его к себе, и жадно впилась в его губы. Ромка чуть не задохнулся от её долгого поцелуя, но чтоб не уронить мужскую честь, выдержал её натиск, а потом и сам начал остервенело целовать Зинку, позволив при этом своим рукам ползать по выдающимся частям её тела. В общем, тогда они, совершили то, о чём Ромка сразу же пожалел. Зинка стала требовать от него, чтобы он женился на ней. В его планах было дальнейшее обучение в институте. Глупо было бы жениться в семнадцать лет. Что бы он сказал своим престарелым родителям, которые положили все силы на то, чтобы их внук стал большим человеком в жизни. К чёрту его серебряная медаль? Обо всём этом он сказал Зинке. И, ещё сказал.

– Почему ты не предложила себя в жёны Лёшке Васильеву? Он всем хвастал, как переспал с тобой.

Зинка смутилась. Понятно было, о чём в конкретный момент, были её мысли. Хвастливые петухи!

– Ладно, Ромка. Не бери в голову. Считай, что я пошутила.

С той поры он старался обходить её стороной. Зачем она пригласила его на свой день рождения? Зачем он согласился?

Утром, в начале восьмого, он вошёл в дом к Петровичу. Тот ещё валялся в постели и очень удивился приходу Романа.

– Дед, ты чего это всё в постели валяешься? Некоторые люди уж давно на покосе.

– Забыл! Совсем забыл. У меня склероз в гостях. Зашёл чайку попить, да не может выйти. У него, видать, тоже склероз.

– У кого ещё склероз? – Переспросил Роман.

– Как у кого? У склероза тоже может быть свой склероз. – Петрович сладко потянулся. – Ох, до чего же я люблю поспать! Это такое наслаждение, когда тебя любит собственная постель! Ещё с вечера зазывает, и зазывает. Дедушка, миленький, чего же ты так долго не идёшь ко мне! Смотри, какая я хорошая! Потрогай, какая я мягкая, да тёплая. Какая простынка беленькая, да ладненькое одеяльце, да пуховая подушечка! Ну, что же ты медлишь? Скорей раздевайся, я жду тебя! И так каждый вечер. Кто может устоять от таких ласковых слов? Только не я. Скорей раздеваюсь и ползу к ней, как заяц к удаву. А, она и рада стараться! Сейчас же укрывает меня ласково, и я тут же сплю. И спится мне и спится, никак не могу вырваться из её объятий. До чего досплю, что устану, а она всё равно, укрывает меня, да шепчет на ухо,

поспи ещё, куда торопиться.

Он вдруг, как будто что-то вспомнил, да как закричит громко.

– Баушка! Я ись просил, али нет?

– Ты чего разорался? Здесь глухих нет. – Роман даже оглянулся вокруг.

– Не ору я, а просто испугался. Думаю, если уже ись просил, а не встал, так ведь Сима моя ругаться станет. Знаешь ведь, какая она строгая.

Роман хотел сказать деду, что пришёл к нему по делу, но тот не дал ему высказаться.

– Ты-то хоть не ворчи. Сейчас встану. Знаешь, как трудно от неё вырваться?

– От кого ты всё время рвёшься? – Удивился Роман.

– От кого, от кого! От постели. Ты на что намекаешь?

– Я думаю, что ты подпустил в постель, а теперь лежишь и сушишь.

– Это кто тут подпустил, а теперь лежит и сушит? Я? Ты, чего хоть мелешь не дело! Да я, уж поди-ко, лет семьдесят в постель не подпускал. Нашёл чего сказать. Обидел деда.

– Пошутил я, а на обиженных, воду возят.

– Знаю, что на обиженных, воду возят. Ладно уж, говори, зачем с утра пораньше припёрся?

– Совет мне твой нужен.

Лицо Петровича сразу же преобразилось. Он встал, быстро, по военному, оделся, сделал умные, внимательные глаза,

повернулся к Ромке. Петрович любил, когда к нему обращались за советом, и никогда не отказывался от общения.

– Говори, я тебя слушаю.

– Ты должен помнить, на каком месте в нашей деревне стояла часовня.

– Помню. Тебе зачем?

– Хочу восстановить её, в честь бабушки и дедушки.

– Вот оно как! Хорошее, конечно, дело, да только сильно денежное. Потянешь ли?

– Потяну. Что для этого нужно делать?

– В церковь нужно съездить, к батюшке. Он всё подскажет и поможет. Меня с собой возьми. А, ты, молодец! Какая была бы радость нашим старикам. Шесть деревень в округе. Все безбожниками стали. Пока были моложе, по большим праздникам пешком ходили в церкву, а сейчас куда пойдёшь, когда всем уже скоро в Могилёвскую губернию собираться. Хоть перед смертью нормально помолиться, да и молодёжь потянется. Уважаю твоё решение. Так, может, сегодня и поедем к батюшке?

– Дед, сегодня я еду на кладбище. Суббота. Говорят, что родительский день. Давай поедем в понедельник.

– В понедельник, так в понедельник. – Согласился Петрович. – Иди, иди. Мне нужно кое над чем покумекать наедине с собой. Люблю, знаешь ли, пофилософствовать. Вот так-то, ёк-макарёк!

Роман ушёл.

Новость, которой поделился с Петровичем Ромка, сразила деда наповал. Он-то хотел этого мальчишку выпороть, отругать, на чём свет стоит, за стариков. Не хотел с ним общаться и других настроить. Проучить, чтоб хоть один знал, каково это бросать стариков на произвол судьбы. Нате вам! Как на него теперь обижаться? Каждый может в жизни ошибиться, провиниться, но не всем дано исправить, то, что натворил, совершил глупость, подлость. А, самое главное, признаться в этом и положить свою голову на отруб. Нет, не вся ещё потеряна молодёжь! Плохо только в том, что вспоминают они о своих ошибках только тогда, когда поезд хвост ему показал. Но, лучше поздно, чем никогда. Ах, ты, ёк-макарек! Не дожили его старики до этого момента. Они бы гордились своим внуком. Петрович через окно посмотрел на небо. Где вы там? Видите ли, слышите ли? Ваш Ромка вернулся. Он заблудился на своём отрезке жизни, но нашёл дорогу к родному дому. Петрович решил сходить к тому месту, где когда-то стояла часовенка, разведать обстановку. Путь ему преградила Серафима.

– Куда это ты лыжи наострил? Сегодня нужно будет сено в сарай перевезти.

– Коли нужно, перевезём. Где моя кепка?

Видя, что муж, как будто не в своей тарелке, она повторно задала свой вопрос.

– Ты куда?

– Какая ты любопытная, Сима. Раскудахталась! Потом всё

расскажу.

До гаража, где когда-то и находилась часовня, надо было идти, примерно, с километр. Чтобы особенно не привлекать к себе внимание, Петрович решил идти обходным путём, а иначе, пришлось бы с каждым встречным остановиться, поговорить. Это деревня, а не город. Здесь каждый человек, как свой, родной и не оказать внимание встречному, значит глубоко обидеть. От деревни, вниз к речке, шли покосы. Теперь, когда скотины в деревне раз, да и обчёлся, всё кругом заросло. На покосах, надутые ветром семена деревьев, проросли густым кустарником. У Петровича сердце кровью обливается от такой картины. Когда-то, будучи молодым, он специально в этих местах, отвоёвывал у леса каждый клочок пространства, где бы росла только трава. Все его труды пошли прахом. Никому ничего не нужно. Как же так случилось? В одночасье всё исчезло, как будто, кто-то взмахнул волшебной палочкой, и всё, что когда-то создавали десятилетиями, в один момент исчезло. Ломать – не строить. К гаражу нужно было перейти через ручеёк. Доски старенького мостка, совсем прогнили, остались только железные перекладины, по которым пришлось Петровичу с великим трудом продвигаться. Не хватало ещё ему булькнуть в воду. Как он не подумал об этом? Голова моя дырявая! Ну-ка, Петрович, тряхни стариной, приободрил он сам себя. Есть ли у тебя ещё порох в пороховницах? Шажок за шажком прошёл он весь мосток, перекрестился, вытер рукавом рубахи

пот с лица. Старый дурак! Попёрся, куда бы ни следовало. Кто знал, что всё кругом в таком упадке. Давненько не бывал он в этом краю. Не узнать знакомых мест. По косо-го-ру он поднялся к гаражу. Ёжики пушистые! Он не поверил своим глазам. Гаража и в помине нет. Кругом одни обломки. Осталась одна кочегарка с выдранными рамами, сняты-ми с петель дверьми, с искорёженным оборудованием. Кру-гом битый кирпич, останки сломанных машин, косилок, ве-ялок. Они, даже, не подлежат восстановлению, так как всё ценное с них снято. Даааааа! Что творят руки человеческие. Они могут создавать, а могут, вот так, по-варварски, сломать то, что когда-то создали. Проклятое место, что ли. Когда-то здесь стояла часовня. Люди приходили сюда, молились. При-шла смена власти, часовня исчезла. Построили гараж. Лю-ди перестали молиться, работали. Гаража не стало. Почему? Ромка хочет построить здесь новую часовню. А, если опять власть сменится? Опять сломают? Нет, её здесь не стоит ста-вить. Нужно найти новое место. Говорят же, что на пожари-ще, новый дом не ставят, сгорит. Всех нас создал бог. Что мы делаем, чтобы отблагодарить его за это?

С этими печальными мыслями, Петрович отправился в обратный путь. Он не решился больше идти обходным пу-тём, а пошёл по деревне. По пыльной дороге, впереди него, ковылял дед Панкрат, их деревенский долгожитель. Панкрату нынче минуло девяносто три года. Полу глухой, наполови-ну слепой, сухонький от старости старичок, продолжал инте-

ресоваться всем в жизни. Жил он один, старуха его померла лет десять назад. Старший сын погиб, средний живёт в городе, младший болтается по стране, как что-то негодное в проруби. Средний-то сын хотел его к себе забрать, да старик резко отказался. Здесь мои корни, здесь могилы моих родных, здесь упокоюсь и я, когда придёт время. Никуда не поехал. Интересно, куда это он бежит, в час по чайной ложке? Петрович быстро поравнялся с ним и спросил.

– Дед, куда это ты, на пожар, что ли?

А, тот, запыхался весь, ничего не понять, что и говорит, своим беззубым ртом. Только после третьего прочтения вопроса, как в думе, Петрович понял, что бабки Агашин, внук Толька, привёз в деревню афганца, а тот сбежал. Вот теперь всем миром ищут этого басурмана.

Панкрат остановился, поправил свой засаленный треух на голове, когда-то это была шапка из кролика, сшитая ещё при царе Горохе. Петрович, сколько живёт на свете, столько и помнит эту шапку. Дед наклонился, скрипнув больным позвоночником, снял с ноги галош сорок последнего размера и вытряхнул песок.

– Вот какая неприятность случилась на деревне. Толька, дурак, взбаламутил всех. Суббота ведь, народу много набежало, а я, как всегда, последний.

– Зачем он этого афганца сюда приволок?

– Говорит, что отпуск ему хотел устроить на природе. Я никак не могу в толк взять, на кой ляд, он купил афганца?

Нешто других не было. Англичанина, например.

– Не знаю, дед. У каждого человека свой вкус. Мне больше нравятся беспородные псы. Они небалованные, верные, неприхотливые.

– Так афганец – это пёс? Я, грешным делом, подумал, что он настоящего афганца купил, в человеческом облике. Тыфу ты! Баламут! А я так испугался за нашу деревню, ведь в их Афгани, не больно-то, наших солдатиков жаловали. Успокоил ты меня. Побреду тогда домой. Ох, баламуты!

Как-то, сразу сникнув, он поволок свои больные ноги в обратный путь. Потом, вдруг остановился, внимательно посмотрел на Петровича, сказал.

– А, ты, чей будешь? Что-то я тебя не припомню. Новый дачник?

Петровичу стало не по себе. Со стариком неладное дело творится. Он решил его проводить до дома. Вот ведь как бывает в жизни. Утрачивается связь с детьми. Сначала мы думаем, что нашим детям нужно подняться, стараемся не мешать им, не нагружать лишними просьбами. Они привыкают к этому и уже не замечают, что их родители постарели и нуждаются в их помощи, в поддержке. А, мы? Пока ходят ноги, работает голова, из рук ничего не валится, говорим сами себе, что пока ещё рано обращаться к детям с той или иной просьбой. А дети уже привыкли ничего не делать, чтобы облегчить жизнь своих родителей. Порой совсем забывают об их существовании. Кто виноват? У самого Петро-

вича, давно не гладко в семье. Они с Серафимой так думали, если их детство, юность, а потом и взрослая жизнь были не из лёгких, пусть хоть их дети поживут всласть. Освобождали их от работ по дому, в поле. Тянули лямку одни. Что из этого получилось? Ничего. Дети давно живут в городах, и тем более, давно забыли, что их родители находятся в престарелом возрасте. Он не говорит, что бы они им помогали, сам виноват в этом. Пусть, хотя бы, приехали, чтобы на них посмотреть, себя показать. Всё им некогда, всё дела. То не ведают, что вслед за нами идут, что их дети будут такими же, как они сами. Домой он вернулся совсем в подавленном состоянии.

– Серафима, где мы с тобой ошиблись в воспитании детей?

– Чего это ты о них вдруг вспомнил?

– Деда Панкрата домой провожал. Совсем старик плох. Один-одинёшенек! Меня не вспомнил даже. Позвоню-ка я его сыну, пусть заберёт к себе.

– Такова была его воля жить одному.

Серафима села на лавку, положив натруженные руки на колени. Голова её низко склонилась к груди. Видимо она думала о том же, о чём и Петрович. Позовут ли к себе их дети, когда они будут в таком состоянии, как сейчас Панкрат.

6

На велосипедах, Роман и Анюта добрались до кладби-

ща. Анята возложила цветы к могилке и сразу же отошла в сторону, чтобы дать возможность Роману побыть одному. Он долго стоял перед могилами с опущенной головой. Потом встал на колени, руками дотронулся до земли, погладил холмики.

– Дед, бабушка! Знаю, что не достоин я вашего прощения. Знаю, что заслуживаю сурового наказания за все причинённые вам страдания, и готов понести самую суровую кару. И, всё же, прошу вас, простите меня. Я больше никогда, никому не причиню боли. Я не стану стараться исправить, то, что натворил. Я это сделаю. Вам не будет стыдно за меня. Простите, что не писал. Сначала мне не понравилось там, куда я уехал, и писать об этом мне было неловко. Два года ушло на то, чтобы привыкнуть, понять себя, понять других. Когда я понял, что могу и там найти себя, я весь с головой ушёл в новую работу, в новую семью, в новую обстановку. Я не оправдываюсь, знаю, что это не даёт мне право говорить, что некогда было писать. Я не знал о чём писать. Глупо! Писать было о чём, только это бы вас не порадовало. Я опять отложил свои письма к вам до других времён. Последние два года, мне нестерпимо хотелось уехать, сбежать. Сбежать куда угодно, но только не оставаться там, в той обстановке. Я мог бы приехать к вам, но мне опять было стыдно за самого себя перед всеми, особенно перед вами. Сейчас я понимаю и стыжусь своей никчёмности, своей нерешительности. Как мужчина, я потерял чувство собственного досто-

инства, уважение к себе, полностью покорился женщине, которую не любил, и которая сделала из меня безвольно человека. Но, я нашёл в себе силы и разрубил узел, который связал меня с ней. Единственное о чём жалею, что оставил отца без поддержки. Он, хоть и полон ещё сил, у него есть жена и приёмная дочь, но он нуждается во мне. Спите спокойно, я теперь, всегда буду рядом.

Роман встал с колен, поднял руку, чтобы осенить себя крестом, но не смог вспомнить, крещёный ли он. Теперь узнать об этом не у кого. Нужно будет разобрать все дедовы документы, может там, что найду о себе. Он повернулся к Ане, но не увидел её. Девушка до сих пор смотрит на него укоризненно, недоверчиво. Видимо придётся приложить немало усилий, чтобы получить её доверие, уважение. Она сразу же понравилась ему. Что заставило жить в деревне такую красавицу? Почему она оказалась в доме его дедов? Почему одна? Аню он нашёл в поле, за густым кустарником. Она собирала полевые цветы и тихо напевала какую-то мелодию.

Солнце был почти в зените, согревало землю так, что слышны были все её запахи. Пахло прелью из-под кустов, разноцветьем, сосной, берёзой. Птицы весело щебетали, перелетая с куста на куст, с дерева на дерево. Роман закрыл глаза и очутился в детстве. Июль месяц. Начало сенокоса. Бабушка с дедушкой огребают сено. Оно такое душистое, что кружится голова. Маленький Ромка любил это время года, любил, когда сено привозили в сарай. Тогда с мальчиш-

ками, они забирались на сено и валялись вдоволь. Дед разрешал им всё, потому что любил внука и его друзей. Однажды, его чуть не укусила змея, привезённая вместе с сеном. Он так кричал, что сбежались все соседи вокруг. Дед смеялся над ним и говорил, не ты её испугался, а она тебя. Иди смелее, Рома, успокаивала его бабушка. Не бойся Рома, Рома....Он открыл глаза, перед ним стояла Аня и звала его.

– Роман Максимович, вы готовы ехать?

Он всегда удивлялся способности женщины подходить тихо, как кошке. Аня, видимо, была не исключение. Роман не услышал даже шороха от её шагов.

– Готов, Анечка. У меня к тебе просьба. Не величай меня больше. Чувствую себя древним стариком. Просто Рома, Роман и, говори мне ты. Хорошо?

Аня согласно кивнула головой. Обратный путь оказался намного короче и легче. Роман отвык от велосипеда, от плохих дорог. Всё было бы хорошо, но, не доезжая до их деревни с полкилометра, ехавший впереди Роман, услышал сзади себя девичий вскрик. Повернув назад, он обнаружил лежащую на обочине Аню, с искажённым от боли лицом. Подбежав к ней, Роман увидел, как под руки Ани, которой она зажимала ногу, течёт кровь.

– Аня, что случилось?

Она кивком головы показала на велосипед, который валялся в придорожной канаве. Роман вытащил его оттуда и увидел лопнувшую цепь, которая и поранила ногу Ани.

Он бросил его обратно в канаву, а сам стал осматривать ногу Ани. Кровь не унималась. Скинув с себя рубашку, Роман оторвал от неё рукав, располосовал его на ленты и крепко перевязал рану. Он взял девушку на руки и посадил к себе на раму велосипеда.

– Спрячь дедушкин велосипед в кусты, потом заберём домой. – Попросила его Аня.

– Кому нужна эта рухлядь. Я куплю тебе новый.

– Нет! Дед обидится.

– Хорошо. Я приеду за ним.

Не заезжая домой, Роман остановил велосипед у медпункта. На руках внёс Аню в помещение.

– Анюта, что с тобой? Где тебя так угораздило пораниться? Осмотрев рану, фельдшер покачала головой.

– Я всё сделаю, что от меня зависит, но тебе, Анечка, нужно к хирургу. Рана глубокая, нужно зашивать, иначе некрасивый след останется на ноге.

Через полчаса «Запорожец» Петровича вёз Анюту в поликлинику. Рану обработали, зашили, сделали противостолбнячный укол, велели двое суток не тревожить ногу. Анюта чувствовала себя неловко, что заставила из-за пустяковой ранки на ноге волноваться столько людей. Два дня Роман, Серафима и Петрович заботились о ней и о Николаше. Несчастье объединило их, чему в первую очередь, был рад Роман. До него ни у кого не было дела. Он занялся поиском документов о его крещении, так как, чтобы начать

строить часовню, ему бы хотелось быть уверенным, что он на самом деле крещёный. Он так увлёкся разборкой архива, что не заметил, как просидел с ним полдня. Документа о своём крещении Роман не нашёл, но наткнулся на пачку писем, аккуратно перевязанных узкой лентой. Письма оказались от него самого, когда он учился в институте. О чём, интересно, он писал тогда своим престарелым родителям? Раскрывая одно письмо за другим, читал: «Здравствуйте бабушка и дедушка! Как вы живёте? У меня всё хорошо, учусь. Правда, очень не хватает денег, так как стипендия маленькая. Не могли бы вы мне выслать их немного. До свидания. Ваш внук Рома».

И такое содержание было в каждом следующем письме. Господи! Как стыдно! Как стыдно! Неужели в его лексиконе не нашлось больше других слов, а только лишь спросить денег?

Аккуратно сложил архив в коробку. Не хватит всей жизни, чтобы как следует понять, как нужно жить на самом деле. Этому нужно учиться каждый день, с самого начала своей жизни, учиться у матери, отца, дедов, у природы, у солнца, у ветра. У всего, что тебя окружает, даже у маленького Николаши, который в данный момент вошёл к нему в комнату.

– Дядя Рома, а что ты всё время ищешь?

Роман привлёк мальчика к себе, погладил по его кудрявой макушке.

– Ах, Николаша! Я потерял свою жизнь и теперь стараюсь

её найти.

– Я знаю, где она?

Мальчик показал пальцем на икону.

– Там, за ней. Я видел, как бабушка её туда положила.

Роман подошёл к иконе и заглянул за неё. Действительно, там лежал какой-то бумажный пакет. Он достал его и развернул. В пакете лежало свидетельство о его рождении и справка о крещении. Оказалось, что окрестили Романа, когда ему было уже семь лет. Как же так? Почему же он этого не помнит?

– Спасибо тебе, Николаша. Какой ты умный и наблюдательный! Если бы не ты, я бы, наверное, никогда не догадался заглянуть за икону.

– Дядя Рома, а ты кто?

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Мальчишки говорят, что если ты живёшь с нами, значит ты мой папа. Где ты так долго был?

Роман присел перед мальчиком, который смотрел в его глаза и ждал правдивого ответа.

– Прости, Николаша, но я не твой отец. У меня вообще нет детей. Тебе хочется иметь отца?

– У всех ребят есть папы. Я, что, рыжий?

Роман улыбнулся. Он вспомнил, как сам в детстве хотел, чтобы рядом с ним был отец, как он говорил деду те же самые слова.

– Не расстраивайся, Николаша, я думаю, что у тебя будет

папа. Ты мне лучше скажи, что сейчас делает твоя мама?

Николаша прошептал. – Мама плачет.

– Ты иди, погуляй. Со двора не уходи.

7

Роман постучал в комнату Ани. Приглашения не последовало, но он решил войти. Аня лежала в кровати, отвернувшись к стене.

– Аня, ты спишь?

Она повернулась. Глаза выдали её состояние.

– Нога болит?

– Нет, не болит. Я слышала, как ты разговаривал с Николашей, и не знаю, как мне быть. Мальчик тянется к мужскому вниманию. Ему хочется иметь отца, как и всем детям. Правильно ли я сделала, что лишила его иметь такую возможность? Его отец негодяй, но он отец. Мне не у кого попросить совета, поговорить, поделиться.

– Аня, вот тебе моя рука. Поделись со мной. Может, и я на что-нибудь сгожусь.

– Не знаю, чем ты сможешь мне помочь. Ты мужчина и никогда не будешь на противоположной стороне, если только выслушаешь.

– Иногда, чтобы облегчить свою душу, достаточно кому-то рассказать о своей проблеме.

– С этим я согласна. Что тебе рассказать? С чего начать?

– Расскажи, как ты, такая молодая, красивая девушка, оказалась одна с ребёнком в нашей глуши?

– Я сбежала от своего мужа. На вокзале познакомилась с твоим дедом. Он и привёз меня сюда. Чтобы понять меня и мой поступок, я расскажу тебе всё с самого начала.

– Я детдомовка. Почему я там оказалась, узнала только тогда, когда выпускалась оттуда. Об этом мне рассказала Валентина Петровна, наш директор. Она любила меня и даже хотела удочерить, но ей не разрешили, так как она не была замужем. Оказалось, что от меня отказалась моя родная мать, ещё в роддоме, но быстро удочерила одна бездетная пара. Как только они это сделали, моя приёмная мать забеременела, и они, так же быстро, сдали меня в приют. На удивление всем, я никогда, как многие дети, не жаждала быть кем-то взята из приюта. Не знаю почему, но видимо, где-то, в подсознании, я чувствовала тот обман, с которым мне пришлось столкнуться. Жилось мне в детском доме нормально. Я была тихой, послушной девочкой. Музыкальный работник услышала, как я пою, и меня определили в музыкальную школу. После её окончания, я поступила в музыкальное училище. Однажды, под Новый год, нам принесли приглашения на вечер в военное училище. Там я и познакомилась со своим будущим мужем. Он стоял от всех в сторонке. Красивый парень, высокий, с девичьим румянцем на лице. Он был похож на Леля из сказки, но очень стеснительный и нерешительный. Я рассматривала его из-за угла, куда спряталась от по-

сторонних глаз. Меня вытащили оттуда мои подружки и буквально столкнули нас вместе. Стесняясь друг друга, мы топтались с ним два танца, узнали, как зовут нас и всё. Следующая наша встреча произошла на восьмое марта, когда наше училище пригласило курсантов на вечер. Теперь мы сами подошли друг к другу. С тех пор наши встречи стали происходить чаще. Он приходил ко мне в увольнение, мы гуляли, разговаривали. Оказалось, что он был родом из деревни, находящейся где-то, очень далеко, отсюда его стеснительность и нерешительность. К концу третьего курса мы с ним поженились. После окончания училища, он получил направление служить совсем близко от города, из-за меня. На тот момент, я была беременна, и мне нужно было доучиться ещё полгода. Он каждый выходной приезжал ко мне. Всё было хорошо, даже отлично. Сдав последний экзамен и получив напутствие от преподавателей, я поехала к мужу в гарнизон, но не доехала. Меня, прямо с электрички, отвезли в роддом. Там появился Николаша. Мужу сообщили, где я. Он приехал только через три дня после родов. Меня это очень беспокоило, я не знала, на что и подумать. Он сказал, что их часть была в летних лагерях. На деле оказалось, что он уже тогда, зависал с друзьями в пьяном угаре. Мне было не до разборок. Маленький ребёнок, который требовал к себе много внимания, так что, я упустила из вида то, о чём надо было бить тревогу с самого начала. Мой муж поддался влиянию друзей, алкоголю и девушкам лёгкого поведения. Я долго

об этом ничего не знала. Его постоянные пьянки, отсутствие дома, он объяснял тем, что должен влиться в коллектив, чтобы не быть белой вороной. Безвольный человек легко становится зависимым от обстоятельств. В редких случаях, когда мы были с ним наедине, я старалась разговаривать с ним, старалась внушить ему, что он, как муж, как отец, не должен забывать о своих обязанностях перед семьёй. До него мои слова не доходили. Уходя из дома на службу, он обещал, что больше ничего такого не повторится, но это были только слова. Я не знала, что мне дальше делать, как быть. Были мысли уйти, но, куда. У меня не было денег, не было жилья, куда бы я могла уйти. И я терпела. Терпела только до одного очень омерзительного случая, который решил всё. Однажды, он пришёл домой со своим собутыльником, или с кем, я не знала. Они сидели в комнате, пили, играли в карты. Я, как загнанный зверёк, на руках с сыном, сидела в другой комнате, боясь шелохнуться. Николаша, слава богу, уснул, я подошла к дверям и услышала, как мой муж предложил меня в качестве залога на следующую игру. Он проиграл меня. Что было делать в моей ситуации, я не знала, но знала одно, этого не должно случиться. Надев на лицо улыбку, вышла к ним. Я иногда прятала от мужа спиртное, оно мне пригодилось в настоящее время. Как выйти из нелёгкого положения, у меня не было никакого решения. Оно созрело само собой, когда я оказалась на кухне. Подсыпав снотворного в спиртное, я подала им его. Через полчаса они мирно

но храпели за столом. Мне было всё равно, что с ними будет после такого излияния. Я собрала детские вещи в сумку, кое-что для себя, взяла документы. Денег, для того чтобы уехать как можно дальше, у меня не было. Просмотрев все карманы мужа, я нашла только мелочь. Тогда я решилась на воровство, и нашла деньги в чужом кармане. С таким багажом я вышла на трассу, чтобы добраться до вокзала. Через полчаса, я уже ехала в автобусе. На вокзале взяла билет до ближайшего населённого пункта, которым оказался ваш город. Что делать дальше, когда ты в чужой местности, когда в твоём кармане мелочь, когда на руках маленький ребёнок? В киоске купила газету и стала рассматривать объявления о найме работы, о том, чтобы снять угол для себя и ребёнка. По телефону, куда бы я ни звонила, мне везде отказывали, узнав, что у меня есть маленький ребёнок. Совсем отчаявшись, я присела на скамейку в привокзальном парке. Рядом сидел пожилой мужчина. Может он что подскажет, решила я и поделилась с ним своей проблемой. На моё удивление, мужчина проникся ко мне участием. Он предложил мне поехать с ним в деревню, к нему в дом, где он живёт со своей женой. Я согласилась. Они были очень хорошими людьми. Я у них была, как внучка и очень им благодарна за то, что они приютили меня с сыном, почувствовала себя в семье. Больше мне нечего сказать. Три года я здесь, и все эти три года живу, как на вулкане. Жив мой муж, или нет? Что будет, если меня найдут?

Роман взял её за руку, она была совсем холодной. Бедная девочка, сколько же тебе пришлось пережить? Как помочь тебе, что бы ты больше никогда не вспоминала о тех неприятностях, а жила бы счастливо и беззаботно?

– Успокойся милая, теперь я за тебя в ответе. Хочешь, всё узнаю? А, хочешь, я помогу тебе найти твою родную мать?

– Зачем, Роман? Зачем её искать? Разве это мать, которая отказалась от родного ей ребёнка?

– Кто знает, как это случилось? Может, на тот момент, она сама была ещё ребёнком? Может ей сказали, что её ребёнок, при родах погиб. Может её заставили от тебя отказаться?

– Я, всё равно, не понимаю таких матерей. Как ты можешь её оправдывать?

– Я её не оправдываю, я ищу причину случившегося. В жизни может произойти всякое, не зависящее от самого человека, но нужно найти эту причину и дать возможность человеку исправиться. Никто ни от чего не застрахован. Вот, сейчас, вы даёте мне эту возможность, не отвернулись от меня, а могли бы поступить иначе. Сама ты себя винишь за то, что совершила, подсыпав снотворное мужу. Я тебя оправдываю, ты защищала себя и своего ребёнка. Почему бы не дать шанс твоей матери.

Аня задумалась. Конечно, Роман прав, но что это мне даст, если я её найду. Разве только, что посмотреть на ту, ко-

торая произвела меня на свет, не дав мне ни ласки, ни тепла, но дала мне жизнь. Хотя, можно попробовать, только как? Роману она сказала.

– Я согласна, если это тебе не в тягость.

– Не в тягость. Мы пишем заявление, а розыск будет производить специально обученный этому делу человек. Ты должна мне дать данные, в каком детдоме ты росла.

– Так просто?

– Нет, это совсем не просто, но выполнимо. А, сейчас, я вынесу тебя на улицу. Нужно подышать свежим воздухом. Он собрался взять её на руки, но Аня запротестовала.

– Не нужно, я сама.

– Ну, уж, нет! Врач не велел тебе вставать два дня. Держись крепче за мою шею.

На улице, Роман посадил Аню на лавку у стола и подставил под её больную ногу маленькую скамеечку.

– Твои волосы пахнут природой. У меня даже голова закружилась.

На самом деле, голова его закружилась не от запаха волос, а от близости девушки. Она пробудила в нём уснувшие чувства мужчины к женщине. Он давно охладел к своей жене, которая вместо любви, верности, нежности к своему мужу, предпочла иметь деньги, дом, машины, мебель, тряпки. Сейчас, глядя на Аню, как она общается со своим сыном, он завидовал им. Завидовал её ласковым словам, которыми она награждает Николашу.

– Мой единственный, радость моя, солнышко ясное, как я люблю тебя!

Таким словам позавидует любой человек, даже такой взрослый, как сам Роман. Он прислонился к стене веранды, закрыл глаза и представил, что у него есть сын, такой же, как Николаша. А, ведь, у него мог быть такой сын, если бы Нина хотела этого. Но она сразу сказала, что не хочет иметь детей, возможно, это случится когда-нибудь. Он привык к этому и не настаивал, а годы шли. За десять, совместно прожитых лет, ни он, ни она не предприняли никаких попыток прийти к решению родить ребёнка. Каждый занимался своим делом, обоим устраивало такое положение. Постепенно они стали равнодушны друг другу. Жили в одном доме, как соседи, в разных комнатах, иногда встречаясь на общей территории. Он был увлечён новым делом, Нина пропадала неизвестно где, не забывая при этом требовать с него денег, с каждым разом всё больше и больше. Здесь, на своей Родине, он отдыхал от её замечаний, нравоучений, приказов, наказов. Он чувствовал себя свободным человеком. Зачем всё это нужно было ему? Видимо затем, чтобы понять, как жить дальше. Тридцать шесть лет за спиной, пора подумать, для чего произвели тебя на этот свет, подумать о предназначении тебя, как мужчины, на этом свете. Дом построю сам, посажу дерево, а лучше, целый сад. Останется родить сына. К Нине он не вернётся, это точно. Кто родит ему его? Может уже поздно? Нет! Лучше поздно, чем никогда. Хоте-

лось бы встретить ту, которая будет ему не напарницей по общему жилью, а подругой по жизни, и чтоб её волосы пахли природой. Господи! О ком я думаю? Роман быстро и резко открыл глаза. Ани и Николаши, не было рядом. Перед ним стоял Петрович.

– Где Аня? – Поинтересовался Роман у Петровича.

– Дома Аня. Ты спал, что ли? Я чего пришёл к тебе. Не передумал ты на счёт часовни? Если не передумал, то завтра, с утра поедем.

– Не передумал.

8

Петрович с Романом возвращались из города, где они были по делам строительства часовни.

– Ну вот, кажется и всё. Теперь будем ждать ответ. Ждать, да догонять хуже всего. Нужно набраться терпения. Я думаю, что всё будет хорошо.

Петрович был серьёзен, как никогда. За последние годы, он видел только одни разрушения вокруг и такое благородное дело, как строительство часовни, радовало его душу.

– Ты чего притих? Али, не доволен чем? – Спросил он у Романа.

– Хотелось, чтобы не затягивали надолго решение. Осень не за горами.

– Не бойсь. Я думаю, что наши и их интересы совпада-

ют. Сейчас подумаем над тем, где взять рабочие руки. Нужно к старосте подойти, пусть сельский сход созовёт. Хотя, наш народ не привык бесплатно работать. Разбаловала их власть. Вся техника была в их руках. Пахали, сажали, выкапывали, косили, огребали, сено в кипы – всё было сделано техникой. Сейчас, когда техники нет, а они не привыкли руками работать, запустили все поля, огороды, покосы. Сидят по домам, как сычи, да ещё и косо смотрят на тех, кто мало-мальски копошится на полях, загодя приобретая тракторишко, или какую ещё механизацию. И всё-то им не так! Как-то, лет семь назад, появился в нашей деревне мужик. Прикатил на ушастой иномарке, которая в народе называется «Запорожец», таким крутым себя возвёл, куда нам. В нашей деревне, если бы наши механизаторы не пили, то у каждого двора по такой иномарке стояло. Точно, точно! Сейчас-то, конечно, не есть, не пить, воском срать, да продавать этот воск, всё равно не купить. Бедно стал крестьянин жить. Винить кого? Кого винить, коли самим ничего не охота делать. Так, вот. Приехал этот мужик, Пашкой его зовут, прикупил у нас домик. Отладил его, забор поставил. Хорошо всё сделал, а нашим-то мужикам вроде, как и совестно, что их дома похожи на чёрных растрёпанных куриц. Кто порукастей, то стали подражать Пашке. Всё бы было хорошо, да не всем он пришёлся по душе. Слишком он скользким был. Ничего мимо себя не пропустит. Стояла у нашей речки цистерна. Кто-то, когда-то привёз её сюда и забыл. Ни-

кому и дела до неё не было. Стоит, да и стоит. Пашке она понравилась. Знаешь, что он удумал? Устроил в ней баню. Поставил там печку, наслал пол, провёл туда электричество, прорезал отверстие, навесил дверь и баня готова, для лета, конечно. Зимой-то эту баню не натопить. Долго деревня гудела, как это так, цистерна наша, деревенская! Спрашивается, кто вам не давал её использовать? Покричали, да и забыли. А, вскоре, мужики сами к нему потянулись. Было бы за пользой, так ведь нет. Самогонку стал гнать этот, говнюк. Мужики ему дров, он им выпить. За навоз расплачивался выпивкой. И, так-то, не просыпались от пьянства, а тут ещё больше стали пить. Нашим бабам такая политика пришлась не по вкусу. Они к нему с угрозами, если не прекратишь спаивать наших мужиков, засадим в тюрьму. Не подействовало. Одна не выдержала такого, пришла к Пашке, и, не разговаривая, сделала ему трепанацию черепа. Долго лечился он, но не признался, что это баба его так отделала. После этого притих, да ведь шила в мешке не утаишь. Смех и грех с этим Пашкой! Купил себе бинокль, устроил на чердаке наблюдательный пункт и теперь знает, где и что делается. Был один забавный случай. Перед Ильиным днём, вся деревня топила бани, перед праздником смыть свои грехи. Пашка тоже истопил свою цистерну, намылся. Клавдия, его жена, замешкалась по хозяйству и только к вечеру пошла в баню. Тут уж и тучи натянуло, в Ильин день, почитай, всегда дождь. Пашка в это время был на своём наблюдательном посту. Перед

его глазами, вдруг, тучи разошлись, стало светло, как будто лампочки на столбах зажглись. Потом засверкало, тучи ещё сильнее разошлись в разные стороны, и Пашка увидел перед собой что-то большое, огненное. Он кубарем скатился с чердака, выбежал на улицу и к соседям. Там Васька с Серёгой после бани сидели на завалинке, и калякали меж собой. Он подбегает к ним, слово не может сказать, заикается. Ребята только и поняли, что инопланетяне прилетели. Серёга на него заворчал.

– Ты принял, что ли, после бани?

Он тянет их за собой. Пришлось идти. Ребята увидели, что действительно, в поле, за деревней, ярко, сквозь тучи, светит что-то огромное. Они смекнули, что к чему, и решили подшутить над ним.

– Да, Пашка, ничего себе тарелка! Интересно, сколько там инопланетян? Ну, да, ты не бойся, повисит, да улетит обратно. Только кто пойдёт к ним на контакт? Мы не пойдём, пожить ещё охота. Ты первый увидел, ты и иди.

У страха-то, глаза велики. Пашка спрятался за спинами ребят, дрожит весь.

– Ребята, надо бы Клавдию мою предупредить. Она в бане моется.

А, эти два жеребца, издеваются над ним.

– Чья жена, наша или твоя? Беги, пока ещё не поздно, а то утащат её на корабль.

Им бы только зубы скалить, а Пашке уж совсем плохо

стало. Он забегал вокруг них, занял. Ясно дело, жену жалко. К ним, в это время, присоединился Володька Капустин. Узнал в чём дело и предложил свои услуги. Три бутылки водки запросил, а Пашка ещё тот жмот. Скорей удавиться, а за просто так ничего не даст. Побежал сам. Да, ладно бы, дорогой бежал. Он со страху в канаву сиганул, прямо в крапиву. Ползёт по крапиве, а сам трясётся, как недоваренный студень. По пути прихватил с собой железный стержень для обороны. А Клавка моется в бане, песенки попевает, ничего не видит и не слышит. В цистерне окна-то нет, только электричество. Он поскрёбся потихоньку в дверь, чтобы НЛОшники не слышали. Клавка, конечно же, не услышала его. Пашка осерчал, да как шарахнет железякой по цистерне, оглушил бедную. Та, не понимая, что случилось, подумала, не война ли началась, выбежала на улицу в чём мать родила. Он схватил её за руку, да в обратный путь, к дому её потащил. Да всё по крапиве, да по крапиве! А, этим, дуракам, Ваське с Серёгой, ещё смешнее стало. Стоят посередь улицы, регочут, как гуси. Мало того, что надсмеялись над Пашкой, так слух пустили по деревне, что инопланетяне скоро снова в их деревню прилетят, дескать, понравилось им у нас. На другой день, вся деревня только и говорила, что о пришельцах. Запаниковали многие. Бабка Агаша вместе с иконою залезла в погреб, забаррикадировалась там, еле вытащили её оттуда. Короче говоря, оружие массового поражения было приготовлено у всех: лопаты, вилы, то-

поры. Ребятишки настроили свои рогатки на отражение врага. Но, как только узнали, что это был простой закат солнца! Ох, и досталось же Ваське с Серёгой! Жаль было Клавдию. Она температурила целую неделю от крапивной лихорадки. Пашка месяц не вылезал из дома, боялся насмешек. Вот какая история с ним произошла. Я к чему тебе это рассказал. Думаю, что нам не придётся ждать милости от наших сельчан. Кто сам жаден, а кто и за бутылку только работает. Нет, я не скажу, что все такие, но многие.

Роман с интересом слушал Петровича. В то время, когда ему пришлось здесь жить, ничего подобного не случилось. Всё шло своим чередом. Старшее поколение работало с утра до вечера, младшие учились, помогали взрослым, чем могли. Всем было не до розыгрышей.

– Весело стали жить. – Сказал он Петровичу.

– Да, уж! Веселье прёт из-под каждого куста. От безысходности это веселье. Люди не знают, куда себя деть. Молодёжь подалась в город, а остальные выживают здесь, кто, как может, только не у всех это получается. Вот и выходит, что на улице солнце, а в душе тучи. Мне кажется, что строительство твоей часовни, как раз будет кстати. Возможно, она объединит наших людей и поселит в душе каждого покой и равновесие.

– Возможно. Я был бы рад.

– Хотел тебя спросить, чего закупил в коробках?

– Компьютер, телефон, игрушки для Николаши.

– У тебя, кажись, есть телефон?

– Это для Анечки.

– Молодец! Анюта исключительная девушка. Жалко её. Совсем молоденькая девушка, а уже с ребёнком на руках, и одна-одинёшенька. Что она видит здесь, в деревне? Ей бы ещё гулять, да гулять! И, что с ней произошло, так ведь никто и не знает. Может она и рассказывала о себе твоим дедам, только и они молчали. Ты, Рома, не обижай её. Обижальщиков и без тебя хватает. Володька Капустин, да сын хозяина нашего магазина пристают к ней. Тоже мне ухажёры! Один пьянь, другой шпана. Гони их прочь от Анюты.

Петрович разошёлся не на шутку. Роман успокоил его.

– Не дам никому в обиду. Я перед ней в долгу и сделаю всё, чтобы она не огорчалась.

Если дед с бабушкой молчали о тайне Ани, значит, и он станет молчать.

9

Петрович остановил машину у дома Романа, помог ему выгрузить коробки и поехал к себе. Во дворе никого не было, но из дома, в открытое окно, он услышал негромкое пение Ани. Она сидела у стола и занималась рукоделием.

– Расцвела под окошком белоснежная вишня.

– Из-за тучи далёкой показалась луна.

– Все подружки по парам, в тишине разбрелись.

– Только я в этот вечер засиделась одна.

Какая грусть в голосе Ани. Прав Петрович. Ей бы ещё гулять, да радоваться жизни. Роман хотел было уже постучать в окно и сказать, что он приехал, но остановился. Николаша заставил его это сделать.

– Мама, тебе не нравится дядя Рома?

– Нравится. Почему ты об этом спрашиваешь?

– Тогда женись на нём и у меня, тоже, будет папка, как у всех.

– Подойди ко мне. Глупенький мой. У дяди Ромы есть жена, а у тебя есть папа, только он далеко от нас.

– Почему же он не с нами?

– Подрасти немного и я тебе всё расскажу. Разве нам плохо с тобой?

– Нет, не плохо, но с папой было бы интереснее. Мам, дядя Рома такой большой, а ребёнка у него нет. Почему?

– Не знаю, сынок.

– Если я его попрошу быть моим папой, он согласится?

– Не нужно этого делать. Я тебе запрещаю. Папой может быть только тот, кто сам хочет этого.

Роман понял, что нужно выручать Аню от подобного разговора. Он подошёл к калитке и сильно хлопнул ею. В доме стукнула дверь, и на крыльцо выбежал Николаша. Он с разбегу кинулся в руки Роману, и закричал.

– Дядя Рома приехал!

С приветливой улыбкой вышла Аня.

– Как прошли ваши переговоры?

– Всё хорошо. Через две-три недели можно будет начинать строительство.

– Замечательно. Ого! Сколько коробок. Что это?

– Это подарки. Николаша, помоги дяде Роме занести их в дом.

Мальчик радостно разглядывал игрушки, привезённые Романом. Особый восторг у него вызвал настоящий футбольный мяч.

– Можно я Андрюшке покажу, дядя Рома?

– Ты сначала спасибо скажи. Роман, зачем ты так много всего накупил. Не нужно его баловать.

Николаша убежал к другу хвастаться мячом. Роман подал Ане небольшую коробку и сказал.

– Это тебе.

– Зачем? – Но любопытство взяло верх. – Что там?

– Очень нужная вещь. Это телефон.

– Телефон? – Переспросила она. – Мне не кому звонить.

– Мне будешь звонить. Таким образом, мы всегда будем рядом, даже если, я окажусь очень далеко.

Аня сразу погрузилась, увлажнились глаза.

– Что с тобой? – Роман приобнял её за плечи, поцеловал в макушку.

– Мне никто ничего не дарил. Это приятно и грустно. Спасибо тебе.

– Почему грустно?

– Потому что и с тобой нам придётся расстаться. Ты мне, как старший брат. С тобой ничего не страшно.

Роману захотелось крепко, крепко прижать её к себе и никогда не отпускать. Волна нежности разлилась по всему его телу. Чувствуя беззащитность девушки, хотелось оградить её от всех неприятностей мира. Здесь он нужен. Здесь он впервые почувствовал себя мужиком, в котором кто-то нуждается.

– Я не собираюсь с вами расставаться. Хочу остаться дома, навсегда.

Аня очень внимательно посмотрела в его глаза. Он говорит правду или шутит.

– А, как же, твоя жена, отец?

– Жена? Жена уже давно не жена. Она свободная женщина и вольна со своей свободой делать, что хочет. Отец? У него своя жизнь. Бизнес, семья. Куда он от них? Так, что, я там, особенно никому и не нужен. Я здесь нужен. Если позволите, буду с вами, буду заботиться о вас.

– Извини, но такой жертвы мы не сможем от тебя принять. Да, и в каком качестве ты будешь с нами?

– Сама сказала, что я тебе, как брат.

– Ну, да. Как брат. Хорошо! Брат, наверное, голоден? Мыть руки и за стол.

Аня быстро собрала на стол.

– Ты ешь, я пойду за сыном. Что-то он загостился.

Роман облегчённо вздохнул. Кажется понимание между

ним и Аней восстановлено. Он улыбался, как блаженный, вспоминая их разговор. Он им нужен, это ясно. Еда оказалась очень простой, как когда-то готовила его бабушка. Было очень вкусно. В детстве Роман слышал, как дед хвалил бабушку, похлопывая Ромку по плечу.

– Вкусно, ум отъешь. Правда, внучек?

Ромка всегда соглашался с дедом. С ним невозможно было не соглашаться. Они были настоящими приятелями, а бабушка гордилась ими. За две недели, что он дома, воспоминания детства всплывали с каждым днём всё ярче и ярче. Как же он смог всё оставить, забыть, выбросить из головы? С этими вопросами он ложился спать и с ними же вставал. Придётся сильно постараться, чтобы исправить все ошибки, тогда, может быть, придёт прощение. Встав из-за стола, он распаковал последнюю коробку, в которой был компьютер. Не успел он ещё поставить на стол, как в дом вбежал Николаша.

– Дядя Рома. Пойдём со мной. На улице, к маме пристал пьяный Капустин.

За калиткой стояла Аня и пыталась вырваться из цепких рук Володьки Капустина.

– Отпусти девушку. – Сказал Роман.

– Интересно девки пляшут! Тебе-то что? Али в защитники заделался? Роман без слов, буквально, выдернул руки Ани от пьяного Володьки.

– Иди домой, а я постараюсь с ним поговорить. Тебе что

от неё надо? – Сказал Роман Володьке, когда Аня ушла.

– А, тебе, какое дело? Может у меня к ней серьёзное предложение. Может, я жениться на ней хочу.

– Ты бы сначала проспался, как следует, а потом приходил к девушке с таким предложением.

– Где ты видел здесь девушку? Баба она, коли имеет ребёнка. Другая на её месте была бы рада, что её кто-нибудь взял к себе в жёны. А она, видите ли, кочевряжится. И, вообще, ты тут с какого боку-припёку? Или сам решил завалиться к ней под бочок? Запомни, я первый её застолбил.

– Как вы можете так о женщине говорить: баба, тёлка, застолбить. Что за слова? Вовка, запомни, Аню я никому не дам в обиду. Не смотри, что я твой друг детства, если узнаю, что ты опять к ней пристаёшь.....

– То, что? Думаешь, если ты из себя такой крутой, да сильный, так я тебе поддамся? Листья падали с дуба, с ясени. Иди ты в пень! Друг детства. Видели мы таких друзей. Ещё посмотрим, чья правда верх возьмёт.

Он развернулся и, покачиваясь из стороны в сторону, пошёл вдоль улицы, громко горланя похабные частушки. Что с людьми делает водка! Когда-то, нормальный человек, превратился в деградированную личность.

Роман вернулся в дом, где Аня прибирала со стола, заметно нервничая.

– Из-за меня у тебя неприятности? Не нужно было разговаривать с ним. Я сумею себя защитить. Жалко только,

что это произошло при Николаше.

– Больше он никогда к тебе не подойдёт. Сейчас я с ним обошёлся корректно, а вот, когда протрезвеет, поговорю по-мужски. Смотрите, что я привёз нам всем. Это компьютер. Аня, я хочу, чтобы ты освоила его и перестала быть горничной. Образованная девушка не должна мыть полы и убирать грязь за постояльцами. Если ты не можешь работать по своей специальности, будем осваивать новую профессию.

Аня улыбнулась ему. В доме появился настоящий мужчина, которому не безразлично, что происходит вокруг него. Невидимая ниточка доверия соединила их. Ему хотелось как можно больше делать ей добра, чтобы видеть её прелестную улыбку. Она исподтишка, чтобы он не заметил, всё чаще останавливала свой взгляд на нём. Раньше, когда она рассматривала его фото, сохранившееся у бабушки, она отмечала, что он красив, высок, но из-за того, что он оставил их и не давал о себе знать, был негатив по отношению к нему. Сейчас видела совсем другого Романа. Он родился в смешанном браке, где греческое начало брало верх: высокий рост, чёрные волосы, немного удлинённое лицо, прямой нос, чувственные губы. Конечно, он был красив, но особую красоту придавали ему глаза. Они были ярко-голубыми, русскими, которые он взял у своей матери. Сердечко её начинало учащённо постукивать, когда она смотрела в его сторону. Чтобы не смущать саму себя, она, как улитка пряталась в свою раковину, замыкалась в себе, и, не давала воли чувствам.

Аня не скрывала от себя, что ей бы очень хотелось отношений с мужчиной, но только с серьёзным мужчиной, на которого можно опереться в любой момент. Как и всем девушкам, женщинам, она хотела любви, счастья. Ей ведь только двадцать пять лет, самое время настоящих чувств, которых, её истомившаяся душа ждала, ждала с нетерпением.

– Аня! Что с тобой? Ты очень странно на меня смотришь.

Аня смутилась. Может Роман понял, о чём она только что думала.

– Тебе показалось. Ничего странного в моём взгляде не было. Просто, я не привыкла к мужскому вниманию.

– Даже от мужа?

– Я не хочу о нём ничего говорить. Николаша! – Обратилась она к сыну. – Пойдём со мной в магазин.

– Мам, я хочу с мальчишками поиграть. Можно мне остаться?

– Хорошо. Только от дома никуда.

Ане совсем не обязательно было идти в магазин. Она решила сбежать от дальнейшего разговора.

Роман же, поругал сам себя за то, что напомнил ей о её муже. Сам чёрт дёрнул его за язык. Когда ранены чувства женщины, то с ней нужно обращаться очень деликатно. Он отвык от настоящих взаимоотношений с женским полом. Их атрофировала его жена Нина. Красивая, холодная, чёрствая, занятая только собой, она не замечала мужа. Если и замечала, то только для того, чтобы спросить с него

деньги. Аня совсем другая девушка: нежная, светлая, милая. К ней, всё время, хочется прикоснуться, успокоить, сказать ей ласковое слово, оградить от всех неприятностей. Видимо, как раз, таких чувств и не хватает мужчине, чтобы чувствовать себя настоящим мужиком.

10

Серафима Михайловна и Кузьма Петрович познакомились без малого пятьдесят лет тому назад. Ей только что исполнилось восемнадцать лет, он был старше её на семь лет. Кузьма так сильно влюбился в юную красавицу, что переехал из посёлка в деревню, чтобы быть с нею рядом. Пожились они, почти сразу же, после признания им в любви к Симочке. С тех пор они никогда не разлучались друг с другом. Двое детей, четверо внуков, а они, по-прежнему вместе, в уважении и согласии, готовые прийти к любому человеку на помощь, никого не оставляя без внимания. Дети давно живут в городе. Пока внуки нуждались в опеке, их присылали на все каникулы к дедам, но как выросли, перестали приезжать, а вскоре и совсем забыли, кто их пестовал всё их бесштанное детство. Петрович с Симочкой не обижались на них, хотя, в душе каждого, тлела искорка надежды на то, что их родные одумаются и будут рядом. Между стариками иногда возникал разговор между собой.

– Пока можем ходить, пока из рук не валится ложка,

мы сможем жить здесь. Кузьма, а что с нами будет, если мы будем не дееспособными? Кто нам поможет?

– Симочка, ну что ты расстраиваешься раньше времени? Дети нам и помогут.

– Так-то оно так, только вспомнят ли они о нас.

Петрович сердился за это на Серафиму после таких разговоров. Чего тревожить своё сердце, сами виноваты, что воспитали таких бездушных детей. Он несколько раз порывался съездить к сыновьям, чтобы промыть им мозги, но его всегда что-то останавливало. Он задавал себе один и тот же вопрос, а имеет ли он право это делать. Да, и не привык он просить милости от кого либо, даже, если это и собственные дети. Возможно неправильная его позиция, но что делать? Петрович был гордым человеком, но очень добрым, хотя, свою доброту он не выставлял на откровенную поверхность. Особенно это касалась их внутрисемейных отношений. Со стороны казалось, что он немного грубоват, но это совсем не так. Свою Симочку он боготворил, очень любил сыновей, а внуков обожал. Когда его жене делали операцию по удалению опухоли в кишечнике, он так сильно переживал, что сам на нервном расстройстве, заработал себе язву желудка. Он не представлял себе жизни без жены. Слава богу, всё обошлось и они снова вместе. Теперь, когда всё позади, они, с ещё большим вниманием относятся друг к другу. Петрович все обязанности по хозяйству взвалил на свои плечи, не подпуская жену к тяжестям. Серафима зорко следит

за питанием мужа, за состоянием его здоровья. Они иногда ссорятся из-за этого. Петрович, как и все мужчины, думают, что с ними никогда ничего не случится, поэтому расслабляются и позволяют себе лишнее. Он часто высказывает Серафиме.

– Не нужно относиться ко мне, как к ребёнку. Ты лучше о себе побеспокойся.

– Я о себе и беспокоюсь. – Парировала в ответ Сима. – Если с тобой что случится, как тогда мне жить. Кто будет заботиться обо мне? Кто принесёт мне воды, дров? А?

Петрович соглашался с ней, просил прощения и весь разговор переводил в шутку. Шутить он был мастак. Иногда так пошутит, что многие принимают весь его розыгрыш в правду. Вот, совсем недавно, произошёл такой случай.

Серафима ушла к своей племяннице, он остался на хозяйстве. Настроения не было никакого. Петрович сидел у окна и размышлял о смысле жизни, о том, как это всё происходит. Зачем рождается человек, для чего живёт, и кто как живёт? Он слышал из каких-то источников, что человек, за время своего существования, проживает четыре жизни: человеческую, лошадиную, собачью и обезьянью. Три жизни, по его подсчётам, он уже прожил. Чего про них говорить? Прожиты слава богу! Чего было, того уж не вернуть. А уж об этой, последней..... Что верно, то верно! Обезьянья. Сидишь вот у окна, глазеешь по сторонам, кто, куда и зачем. Куда-то побежали опять сёстры Смирновы? Спортсменки в семьдесят лет. Куда

бегут и сами толком не знают. Леня самим готовить себе еду, так с утра к соседке. Там языки отточат, чаю попьют. На обед бегут в другой дом. На ужин хлещут в другую деревню, а на ночь ползут к себе домой. Каждый день одно и то же. От них уж прятаться стали, как завидят их на горизонте. А им всё нипочём. Крюка в семь километров дадут, как собаки, а всё равно, халявную похлёбку себе найдут.

Петрович вышел на крыльцо и обратил внимание, что около колодца бабы собрались, языки чешут. Наверняка Зойка всем говорит, что сегодня борщ будет варить. Ясно! Значит, к нам придёт за свёклой и морковью, в дом напротив сбегает за капустой. Сосед кабанчика заколол – так к нему за мясом. Чего так борщ не сварить! Самое главное, что никому ничего не отдаёт. Говорит, что это гуманитарная помощь.

Жукова куда-то побежала, тоже спортсменка. Трусцой бежит, как порядочная. Трусит в магазин за водкой, упиться никак не могут, спортсмены хреновы.

Сосед вышел на крыльцо, сейчас троеборьем займётся: вода, дрова, помои. А, вот и его жёнушка, дорогая, золотая. Ну и кубатура! Что вдоль, что поперёк. Бывало, придёт к ним и скажет.

– Симочка, ты такая ладная вся. Ни жиринки, ни морщинки, и как это тебе удаётся так сохранить себя?

Честное слово, зло берёт на эту тушу. Серафима всё помалкивает, да улыбается в ответ, а уж Петрович молчать

не может.

– Ты чаю сколько пьёшь? – Обращается он к соседке. – Как сядешь, так самовар целый опрокинешь. Щей наливаешь тазик, в каком, моя жена Сима посуду полощет. В одной руке полбуханки хлеба держишь, в другой – полбатона с вареньем. Хочешь быть такой, как Сима, не сиди, как клуша целый день, иногда отрывай свой зад от стула. Лопату в руки и в поле.

Так она ещё и обижается.

– Мне врачи запретили тяжёлые вещи поднимать.

– Это ты про свой зад говоришь? Удивляюсь я тебе. Тогда, ешь из кукольной посуды, может и поможет.

Тоже мне, спортсменка! Проблемное двоеборье: как бы нажраться от пуза, а потом думать, как похудеть.

Что-то у меня сегодня одни мрачные мысли. Надо срочно развеять их. Он выглянул за калитку. Васька с Серёгой! Никак ко мне. Вот кто мне нужен! Сейчас развлечёмся. Сел на лавку. Уткнулся в колени и давай подвывать.

Через пару минут, во двор к Петровичу зашли Василий и Серёга. Увидев плачущего Петровича, поинтересовались.

– Петрович, что случилось? Никак беда, какая пришла в твой дом? Петрович поднял на них свои лукавые глаза и простонал.

– Не до гостей мне нынче, ребята. Вы правильно догадались, беда у меня.

– Какая беда? Где Серафима?

При имени Серафима, Петрович сделал такой скорбный вид, что ребята из всех сил, начали его успокаивать. А когда услышали, что Серафима куда-то улетела, облегчённо вздохнули.

– Скажи спокойно, куда улетела твоя жена?

– Ох, ребята! Если бы вы знали, какую я сотворил глупость. Давно моя Сима просила, чтобы я ей смастерил ступу, чтобы на болото за клюквой летать. Болото в наших местах, сами знаете, далеко, а у неё ноги стали болеть. Всё и просила меня, сделай, да сделай. Ну, я и сделал ей эту ступу, проклятую. Лучше бы не делал.

Васька с Серёгой удивились.

– Хорошая мысль твоей жене в голову пришла. Только, как тебе удалось её сделать? Всё-таки, это не велосипед, не какой-то трактор, а летательный аппарат. Тут голова толковая нужна.

Петрович понял, что со ступой, он поторопился. Не додумал маленько с импровизацией. Пришлось выкручиваться.

– Один мой друг прислал мне чертежи. У него уже давно такая машина сделана. Доволен очень. Симочка, где ты? Прилетишь ли обратно? – Простонал Петрович, протягивая руки к небу.

Ребята опять начали успокаивать Петровича.

– Прилетит твоя Сима, куда она денется.

Петрович от их слов, ещё больше застонал.

– Ребята! Я у ступы только взлёт успел сделать. Сима та-

кая торопыга, схватила мешок, и шась в ступу. Я подумал, что она примериться в неё села, а она, недолго думая, повернула рычаг, да как полетит. Я кричу ей, что не готова ещё ступа к полёту. Да, где там! Сидит в ней, улыбается, ещё и ручкой помахала. Потом прибавила газу, да как врежет в сторону болота. Слышу только, что чаю не забудь согреть, прилечу назад, попьём. Вот, ребята, не знаю, как она там приземлится.

Ребята и говорят.

– Горючка кончится, где-нибудь сядет твоя спортсменка и придёт домой.

Петрович ещё ниже наклонил голову.

– Нет, парни, не сядет она нигде. Я в ступе установил вечный двигатель. Теперь, чтобы Симу остановить, нужно такое оружие, которое могло бы её сбить, типа ракеты. Я как раз думаю над этой проблемой. Должна же она над домом пролететь. Вот тут я её и собою.

– А, если ты убьёшь Серафиму? – Спросили ребята.

– Да уж, как получится. Должен какой-то быть конец. – Почесал затылок Петрович.

– Не пожалеешь потом о содеянном? Жена всё-таки?

Не успел Петрович ответить ребятам, как калитка открылась и перед их округлёнными глазами, предстала сама Серафима. Петрович засуетился, подбежал к жене и спросил.

– Прилетела милая? Как полёт? Как приземление? Заговорился я тут с ребятами, чай не согрел. Ты уж сама.

Ребята, вытаращенными глазами, смотрели на них, не знали, что и сказать. Серафима всё поняла.

– Опять байки травил? Что на этот раз насочинял вам дед? Ой, дождёшься ты, что тебя когда-нибудь, поколотят за твои розыгрыши.

Петрович приложил руки к груди и обратился к парням.

– Пошутил я, ребята. Увидел вас и решил разыграть. Не убивать же меня за это. Я, ведь, хороший. К тому же, дело у меня к вам. Почините мне телевизор. Я знаю, что вы очень хорошие мастера.

Ребята, было, рассердились на него за розыгрыш, но от похвалы смягчились. Действительно, что на него сердится, коли это была шутка.

11

Аня шла из магазина и сама себя ругала. Если в жизни чего-то не хочется делать, лучше и не начинать. Всё равно из этого ничего хорошего не получится. Никто за верёвку её не тянул идти в магазин. Избежала дальнейшего разговора с Романом, так сполна огребла негатива там, но на этот раз не осталась в долгу перед злопыхателями. Когда она вошла в помещение, там, как всегда толпился народ. Кто стоял и осматривал витрины, кто отоварился, но всё равно был там. Как будто ждали её прихода. Сразу же пошёл откровенный гул по магазину, кося взгляды в её сторону.

– Шалава! Под любого ляжет без зазрения совести! Пожалела бы мальчика. Как только не стыдно!!

Аня готова была сгореть от стыда. Что им от меня нужно? Неправда это всё. Она понимала, кто распускает эти сплетни, но разве им докажешь свою правду. Они всё равно ей не поверят. Чужая она была здесь, чужой и останется. Она подошла к прилавку.

– Мне хлеб и сок.

Зинка, как собаке, кинула ей буханку хлеба.

– Мужика хлебом, да соком не накормишь. Посмотрите люди на неё. Глаза потупила. Того и гляди, сейчас слёзы ручьём польются. Сама невинность! Ну и как тебе Рома? Жарко, наверное, под его боком?

Что ей сказать? Уйти? Нет! Надоело молчать, унижаться. С волками жить, по-волчьи выть. Она подтвердила их версию и даже прибавила от себя. Пусть думают, что хотят.

– Да! Мы спим в одной кровати. Кому завидно, позавидуйте. Он замечательный любовник. Его руки достойны кисти художника: сильные, ласковые, трепетные. Если обнимет, косточки трещат. А, как, он целуется! Это же целая поэзия. Если бы вы только знали! У меня от его поцелуев сердце трепещет, становится таким горячим, что я, порой, боюсь расплавиться.

– Сучка не захочет – кобель не вскочит. – Зло прошипела Зинка.

– Если, Зина, ты считаешь, что сучка не захочет – кобель

не вскочит, то в твоём случае это не сработало. Постоянно от него чего-то хочешь. Почему же, тогда, он тебя не желает? Улавливаешь разницу между нами?

Аня ещё несла какую-то околесицу, сама себя не слыша. Наболело! Пусть лучше и правда, думают, что она такая, чем шушукаться по углам. Оглядев всех, Аня с победным видом, вышла из магазина. Она шла домой в совершенно растрёпанных чувствах. Одновременно хотелось плакать и смеяться, особенно, когда вспоминала лицо продавщицы. Теперь заткнётся, может быть. Что если до Романа дойдёт то, что она сегодня выдала при всех? Дойдёт обязательно, как всегда, прибавят, чего и не говорила. Он должен меня понять, если я сама ему обо всём расскажу. Стыд-то какой! Почему я должна перед всеми оправдываться? Она зашла к соседке.

– Валюша, пусть Николаша у тебя побудет. Мне нужно на работу съездить.

Не заходя домой, Аня прошла к реке. Журчание воды всегда успокаивало её. Чтобы не быть на виду, она скрылась под мостом. Ни о чём не хотелось думать, но мысли сами лезли в голову. Аня перебрала все варианты дальнейших шагов пребывания в этой деревне. Пришла к одному выводу. Ей придётся отсюда уехать. Только вопрос один. Куда? Везде надо искать жильё, за которое нужно платить. Её зарплаты хватает только на еду. Николашу определить в детский сад. Безысходность сплошная. Не захочешь – заплачешь. Так тя-

жело, что сердце изнутри ломает рёбра. Почему так в жизни бывает, кому всё ковшом, а кому – так пошёл. Аня подложила сумку с хлебом под голову. Ей вдруг захотелось спать. Глаза сами закрылись, и она, как казанская сирота, заснула на берегу, под журчание, бегущей мимо реки. Ей снилось, как бежит она по полю, сердце вот-вот выскочит из груди от радости, от ощущения свободы. Нет никакой опасности впереди, а только любовь к тому единственному, который ждёт её в условленном месте. Но, вдруг, перед ней выросла фигура пьяного Володьки. Он расставил руки в стороны и не хочет пропускать её дальше. Нет! Кричит она. Только не ты. Нет! Мгновенно открыла глаза. Рядом сидел Роман.

– Проснулась? Еле добудился до тебя.

Аня огляделась.

– Где Володька?

– Не было здесь никого. Что случилось? Почему ты здесь спишь? Она облегчённо вздохнула. Приснится же такое.

– Извини. Вода усыпила. Ты почему здесь?

– Я часто здесь бываю. Ты не уходи от ответа. Опять неприятности? Рассказывай.

– Рассказывать, в общем-то, не о чём. Хотя, я должна попросить у тебя прощения. Понимаешь в чём дело, на деревне нас уже положили в общую постель. Сегодня, в магазине, меня облили грязью с ног до головы, и это не в первый раз. Я больше не могла сдержаться, и мне пришлось с ними согласиться. При этом я воспользовалась тем, чего вообще нет

и не могло, быть. Я описала в подробностях, какой ты замечательный любовник, что у тебя очень ласковые руки, что ты классно целуешься. Не удивляйся ничему, когда тебе это передадут. Прости меня за такую неправду. Понимаю, что подставила тебя. Ты не переживай, я решила, что мы с Николашей уедем. Может быть, завтра. У меня есть знакомая по работе, она примет нас на несколько дней.

Роман обнял её.

– Глупая, глупая, девчонка! Никуда я тебя не отпущу. Должен сказать тебе спасибо. Ты избавила меня от объяснений с некоторыми личностями. Пусть так и думают. Я тебе уже говорил, что остаюсь здесь навсегда, с тобой, с Николашей.

Последовал горячий поцелуй. Аня хотела вырваться из его объятий, но не смогла. Чувство приятной теплоты разлилось по всему её телу. Она полностью подчинилась его воле. В голове промелькнуло только одно, чтобы не говорили зря.

12

Серафима шла от племянницы и решила заглянуть к Клавдии. Она постучала в дверь и, не услышав ответа, вошла в избу.

– Клавдия, ты дома? Отзовись? Клавдия вышла в переднюю.

– Дома я, дома. Проходи, не стесняйся. Да обувь-то не снимай.

– Я чужой труд уважаю. У тебя, смотрю, стерильная чистота. – Серафима сняла шлёпанцы и прошла вперёд. – Твой-то где?

– Где ему быть, на своём чердаке. Бдит, как говорит дед Панкрат. Чего ему остаётся делать, когда его все дела отбила Наталья. Сама знаешь, почему. Да и поделом. Нечего дурью маяться. Можно подумать, ему на жизнь не хватало. Предприниматель хренов!

Клавдия мимоходом посмотрела на себя в зеркало.

– Ужас какой! Ты знаешь, как переехала жить в деревню, сама себя не узнаю. На чучело стала похожа. Совсем, как бабка деревенская.

– Можно подумать, что ты, молодуха. Сама говорила, что у тебя трое внуков. Бабка, конечно. А вообще-то, все мы из-под сохи Андреевны. На земле родились, после кончины в землю и уйдём.

– Твоя, правда, Сима. Не обижайся, это я так, сама на себя ворчу. Ты чего не в своей тарелке?

– К племяннице ходила. Опять, паршивка, пьёт. Ребятишек жалко. К себе заберу их, так её материнства лишат. Не знаю, что и делать. Посоветуй.

– Её нужно закодировать. Сейчас многие так делают. – Клавдия посмотрела в окно. – Глянь Сима, Зинка куда-то чешет. А напистонилась-то как! Красивая молодая баба, про-

падает тут, в деревне.

Сима в окно смотреть не стала, а Клавдии сказала.

– Не пялься, ты. Не хорошо это. Знаю, куда она идёт. К Ромке Ронжину. Совсем девка ума лишилась. Бегает за ним, как собачонка, того не понимая, что он женат и скоро уедет. Вообще-то, Зинка хорошая. Ей бы мужа нужно, а не любовника.

– Чего-то я тебя, Сима, не пойму. Была бы она хорошая, не нападала бы на Анютку зря. Сегодня, днём, такое представление устроила в магазине, что у меня чуть уши не завяли. Или, это правда, что Анька с Ромкой в одной постели?

– Не мели, чего сама достоверно не знаешь. Анютка скромная девушка и никогда себе такого не позволит. Она, даже, хотела уехать, когда он появился, но он ей не позволил. Сказал, что мешать не станет и живёт он не в доме, а в летнике. Поставит памятник дедам, построит часовню и уедет к жене. Вот и вся, правда. Что там себе нафантазировала Зинка? Лучше бы выходила замуж за Василия. Давно парень по ней сохнет. Только всё молчит. Недаром же, его прозвали граф Молчун. Надо будет их сосватать.

– Это как?

– Очень просто, как всех сватают. Занялась бы этим делом. Ты женщина городская, много чего знаешь. Подумай.

– Нет! Нет! – Клавдия замахала руками. – Нет! Я на это дело не пойду. Этот вопрос они должны решить сами. С Зинкой связываться, себе дороже выйдет. Ну её! Ты лучше к Ане

сходи, успокой её. Жаль девчонку. Столько грязи на неё льют.

– Хорошо, что ты мне рассказала обо всём. Пойду, пожалуйста.

Зинаиду Серафима увидела около магазина. Та кормила «Бомжа».

– Здравствуй Зина.

– Привет, тётя Сима. Откуда путь держишь, если не секрет. Небось, к Ольге ходила?

– К ней, родимой. Пьёт, паразитка. Тебе, вот, ровесница, а какие вы разные. Ты за мамой своей ухаживаешь, сына хорошего растишь. Собаку приبلудную не бросаешь. Зачем же водку из-под полы продаёшь? Если я тебя подловлю с этим делом, будешь отвечать.

– Тётя Сима, поверь мне. Ольге я ничего не даю. За неё другие берут. Мне, что, вообще ничем не торговать?

– Торгуй, Зина, торгуй. Только у меня к тебе просьба. Веди себя за прилавком прилично. Ты зачем Аню терроризируешь? Что тебе сделала она? Чего ты из себя богиню корчишь? Можешь не отвечать. Знаю, из-за кого ты на неё всех собак спускаешь. Из-за Ромки. У тебя женская гордость существует? Сама на мужика вешаешься, что он не знает, как от тебя скрыться. Постыдилась бы. Аню больше не трогай. Ей и так нелегко живётся. Если ты думаешь, что между ними что-то есть, так забудь. Он, в скором времени, уедет к жене. Присмотрись к Василию. Парень любит тебя.

Зинка стояла перед Серафимой с опущенной головой. Серафиме показалось, что она раскаивается, и что её слова, подействовали на строптивую Зинку. Напрасно показалось.

– Тётя Сима, ты кто такая, чтобы учить меня и давать советы? Иди Петровича своего учи, а твоя кроткая Аня, самая настоящая подстилка. Она сама призналась при всех, что спит с ним.

– Ты и поверила? Аня специально так сказала, чтобы все от неё отстали. Ох, Зина, Зина! Красивая ты и злая. Будь добрее к людям и самой станет легче жить. Неужели приятно, что тебя все зовут Зинкой, а не Зиной или Зинаидой. Если сейчас не изменишься, то и в шестьдесят лет будут кликать Зинкой.

– Да пошла ты! – Зло ответила Зинка, повернулась к Серафиме спиной и пошла по дороге к своему дому.

Серафима свернула на свою улицу, с одной стороны которой стояли жилые дома, с другой административные здания: контора, школа, детский сад, фельдшерский пункт, библиотека. Сейчас в этих зданиях живут переселенцы, отгородившись от всех высокими сплошными заборами, с будками для собак в каждом углу. Улица получилась глухой, тёмной, неприятной. Радовал только её конец, где были дома её соседей, её дом, около которых заросли сирени, буйно цветут цветы в огромном количестве, фруктовые деревья. Заборы стоят низкие, не закрывая дома и дворы. Всё кругом прозрачно, светло, легко дышится. Прожив здесь всю свою

жизнь, Серафима не представляла себе иной. Даже, если бы, ей предложили огромные деньги, дом у моря в другой стране, она бы ни за что не согласилась поменять свой скромный уголок на чужбину. Взять, хотя бы, Романа. Прожил он десять лет в далёком краю, а сейчас вернулся в отчий дом и глаза его потеплели. Было видно, как он радуется всему, что было в его детстве: родному дому, речке, полю, друзьям, соседям. Здесь его родительские корни, здесь родной воздух, которым дышится легко и свободно, здесь совсем другая земля, на которой человек стоит твёрдо и уверенно. Здесь, он хозяин своей судьбы.

Серафима села на скамейку около своего дома. Внизу, ближе к земле, было тепло и уютно. Вверху, к небу, дул лёгкий ветерок, шелестя листьями берёз. Только, около их дома, их росло ровно пять штук. Ещё две берёзы стояли чуть поодаль, на просторе. Они разрослись вширь, спуская вниз ветви. Под их кроной, её Петрович соорудил стол, поставил скамейки. Тёплыми вечерами, они там любили отдыхать. Радостно было смотреть на них ранней весной, когда в природе всё просыпается. Просыпаются и они, две подружки. Для них, как и для других деревьев, начинается самый приятный период. Они, из тёмных цветов, постепенно начинают одеваться в светлые тона, радуя глаз. Вот сильнее стало греть солнце и берёзы начинают принаряжаться в изумрудный цвет. Чем раньше они оденутся в этот цвет, по народным приметам, тем теплее будет лето. Летом, рядом с ни-

ми, она чувствует себя уютно, под их защитой. Под ними дышится легко, думается. Осенью, берёзы начинают менять своё платье, конкурируя между собой. Из зелёных, одеваются в жёлтые, напоминающие старинное золото. И, вот, листья веером полетели в разные стороны, устлая землю пышным ковром, приятно шурша под ногами. Зимой, когда деревья одеваются в белые шубы, её берёзы молча переговариваются между собой, вспоминая весну, лето, осень. Частенько, когда начинает дуть ветер, они машут своими ветвями, приветствуя жителей дома, призывая их подойти к ним поближе, почувствовать их, передать им свою любовь и здоровье. В мире народных загадок существует такая: «Есть дерево об четыре дела: первое дело – мир освещает; другое дело – крик утешает; третье дело – больных исцеляет; четвёртое дело – чистоту соблюдает». Это всё о ней, о берёзе. Серафима подходит к ней, обнимает её за талию, прижимается щекой.

– Милая моя! Как же я буду без тебя? Мне немного осталось жить на этой земле, позаботься о моём Петровиче. Не дай ему уйти сразу же за мной. Помоги ему. Дай возможность прожить остаток жизни достойно, не причиняя боли своему ближнему.

Она не зря доверяла свою тайну берёзе. После рентгена, у неё обнаружили опухоль на том же месте, где, была сделана операция. Врачи настоятельно рекомендовали ей продолжить лечение, но Серафима решила поступить по-своему. Как говорится, перед смертью не надышишься. Сколько

времени отведено ей, на этом свете прожить, пусть столько и будет. Мужу она сказала, что у неё всё в порядке.

– Сима! – Услышала она голос мужа. – Я тебя обыскался. Ты где была? Он подошёл к ней, взял за руку, отвёл от берёз.

– Я заметил, что ты в последнее время, чем-то озабочена. Ничего не хочешь мне сказать?

– Хочу. Ольгу нужно закодировать. Ты ей родной дядя, тебе и карты в руки.

– Хорошо, но это не то, о чём бы я хотел услышать от тебя.

– К сыновьям нужно съездить. Ты как?

– Съездим. Упорно молчишь о главном? – Он вынул из кармана лист бумаги. – Это что? Сима, почему ты мне сказала неправду? Завтра же едем в больницу и никаких отговорок. Ольга, сыновья – потом. Для меня ты, самое главное. О чём думала, когда мне врала? Обо мне подумала? Я, ведь, и дня без тебя не останусь на этом свете. У нас с тобой сорок шесть лет совместной жизни. Сколько всего было за эти годы! Всё пережили, да и как пережили. Вместе, достойно, дай бог каждому так прожить. Ты хочешь всё это предать, уйти без меня?

Слёзы показались на его глазах. Никогда Серафима не видела его таким. Она крепко сжала его руки, давая понять, что она с ним, что не оставит его одного. Он говорил правду, не останется без неё ни одного дня.

– Прости меня Кузьма. Я думала, что так будет лучше для всех.

– Думала? Интересно, чем? Не прощу, пока не пролечишься. А там, посмотрим. Не обижайся, это я, любя. Больше от меня никаких тайн.

13

В санатории, где работала Аня, был полный аврал. Завтра должен был состояться новый заезд, и потому, все работники усиленно готовились к приёму отдыхающих. Оставался последний час смены, в которой трудилась Аня. Старшая горничная, Вера Александровна собрала их у себя и давала последние наставления.

– В правом крыле нашего здания, на втором этаже, будут проживать немцы. Обслуживать этаж поручаю Ане и Веронике. Люся, ты отправляешься на третий этаж, остальные по своим местам.

– Не любите вы меня, не уважаете Вера Александровна. – Обиделась Люся. – Чем же я хуже вашей Ани?

– Прежде, чем требовать к себе любовь и уважение, нужно хоть немного самой быть вежливой и любить того, кто находится рядом.

– Ага! Это кого я должна так сильно любить, чтобы вы обратили внимание на меня? Уж, не Чернову ли?

– Разговор окончен. Идите все домой. Аня задержись на минуту.

Девочки быстро поднялись с мест, и вышли из кабинета.

Люся прошла мимо Ани и со злостью прошипела ей на ухо.

– Святая Анна. Я ещё доберусь до тебя.

Вера Александровна успокоила девушку.

– Не обращай на неё внимания. Знаешь поговорку: собака лает, ветер всё уносит. Я её специально устранила от общения с иностранцами. Сама знаешь, какая она. Не хватает ещё в нашем санатории международного скандала. Вообще-то, она хорошая, только не везёт ей в любви. Наверное, потому, что слишком торопиться выйти замуж. Оставила я тебя, чтобы поговорить о том, чем ты со мной поделилась недавно. Ты мне, за эти три года, стала как дочь, как подруга, и потому мне не безразлична твоя судьба. Расскажи мне, что происходит между тобой и Романом? Возможно, тебе нужен совет человека, который больше знает об отношениях между мужчиной и женщиной?

Аня стояла у окна и молчала. Она помнила наказ своей директрисы по детскому дому.

– Помни, девочка, что не всем можно доверяться. Сколько людей на этом свете, столько и мнений. Но, и закрываться в себе, не стоит. Рискуешь остаться, навсегда, одна. Чувствуй сердцем того, кто рядом.

Вера Александровна, действительно, стала для Ани больше, чем её начальница. Почему бы, не доверить ей свою тайну?

– Он признался мне в своей любви. Сказал, что хочет остаться здесь навсегда, со мной и Николашей.

– А, ты? Как ты к нему относишься? Аня покраснела.

– Можешь не отвечать. Мне всё понятно. Ты влюбилась. Думаешь, я тебя не понимаю? Обижаешь, если так думаешь. Очень хорошо тебя понимаю, потому что сама была в такой ситуации, и потому, хочу уберечь от разочарований. Не смотри на меня, как на врага. Знаю, что не слушаешь, сама была такая, но может, призадумаешься. Мне было двадцать два года, когда я влюбилась так, что не слушала абсолютно никого. Мне казалось, что все хотят разлучить меня с моим любимым. Он, был женат, и так же, как сейчас твой Рома, утверждал, что будет только со мной, что жену давно не любит, что они чужие друг другу. Я верила ему, верила в то, что так и будет, как говорит он. Прошло достаточно много времени, но наши отношения не продвинулись вперёд ни на один миллиметр. Он продолжал жить в семье, но встречаться со мной. Я забеременела и сказала ему об этом. Мой любимый испугался и предложил мне сделать аборт. Я всё поняла. Он был не готов к такому повороту событий, и сделал всё, чтобы исчезнуть из моей жизни. Вот так, моя дорогая Аня. Делай выводы.

– Вы сделали аборт?

– Нет. У меня от той любви растёт дочь. Ей сейчас шестнадцать лет. У неё есть отец и брат. Не все же такие подлецы и трусы. Есть мужчины, которые достойны, чтобы их любили тихо, нежно, без фанатизма. Надеюсь, ты услышала меня?

– Я поняла вас. Вы хотите мне добра, но, может быть, Ро-

ман, как раз из тех мужчин, который не трус? Мне нужно подумать, хотя я не уверена, что смогу думать. Мне очень хорошо с ним. Если случится, что он останется в своей семье, то, по крайней мере, я буду знать, что такое любовь.

– Да, Аня, любовь забывает, что такое разум. Дурочка ты! Прежняя жизнь тебя ничему не научила. Если я тебе чем-то помогла, то вперёд! Мне ещё к высокому начальству на ковёр. До встречи! Совсем забыла. Скоро освободится комната в семейном общежитии, я могу похлопотать за тебя. Пойдёшь?

Аня была в растерянности. Комната ей была очень нужна, но..... совсем она запуталась в своих сомнениях, размышлениях. Всегда можно будет отказаться от предложения, и она утвердительно кивнула головой.

– Вот и хорошо. Напиши заявление и оставь его мне, сейчас же.

Выйдя из корпуса санатория, Аня глубоко вдохнула в себя воздух.

Санаторий находился в сосновом бору, на берегу водохранилища. Здесь всегда пахло хвоей, смолой, водой. Приезжающие люди сюда отдыхать, сначала ходили, как пьяные от избытка кислорода, но потом свыкались и чувствовали себя превосходно. До отправления автобуса осталось несколько минут, и Аня поспешила на остановку. Путь ей преградил Лёша Котельников. Он, уже целый год, не даёт ей прохода, признаваясь в любви.

– Лёша, ты опять? Сколько можно тебе говорить, что я люблю другого.

– Ты меня обманываешь. Я узнавал, у тебя никого нет.

– Значит, плохо узнавал. Лёша, я старше тебя, у меня есть сын, муж. Отстань от меня. И, вообще, ты мне не нравишься. Что тебе ещё сказать, чтобы ты больше никогда ко мне не подходил?

Аня остановилась. Она увидела около проходной Романа, который разговаривал с Люсей. Почему он здесь? Мелькнула мысль, может с Николашей что случилось? В одно мгновение она оказалась рядом с ним.

– Почему ты здесь? Что-то с Николашей?

– Анята, доброе утро! С Николашей всё хорошо. Я решил встретить тебя.

– Он прошептал ей на ухо. – Соскучился. – И поцеловал её в щеку, что заставило её покраснеть и оглянуться по сторонам. Теперь пойдут толки и пересуды, подумала она. Особенно будет злорадствовать Люся, которая стояла совсем рядом. Ну и пусть! Чему быть, тому не миновать. Аня ответила на его поцелуй.

– Я на машине. Поехали.

– Откуда такая роскошь? – Удивилась Аня, садясь в новую, красивую машину.

– Вчера ездили с Петровичем за бумагами на строительство, я решил, что хватит быть безлошадным. Тебе нравится?

– Очень, но она стоит кучу денег.

– Для того и живём, чтобы их тратить, а не складывать в кубышку. Аня, я не видел тебя целые сутки, поговорим лучше о нас.

Промелькнул утренний разговор с Верой Александровной. Что ей делать? Как быть? Где взять столько разума, чтобы отказаться или принять любовь к Роману? Она слабая, беззащитная молодая женщина, можно сказать, впервые почувствовала, что такое любовь, внимание, ласку, красивое обхождение. Броситься в этот омут любви с головой или подумать над тем, что если всё это, она придумала.

– Аня, в чём дело? Ты не хочешь говорить на эту тему?

– Хочу, Рома, хочу. Мне сегодня рассказали очень поучительную историю. Одна молодая девушка влюбилась в женатого мужчину. Она верила ему, его признаниям в любви к ней. Он говорил ей, что с женой он давно, как чужие люди, что их семейная жизнь подходит к разводу. Её любовь была такой сильной, что она не слушала никого, кроме него. Время шло, он продолжал жить в семье и с ней, придумывая на ходу всё новые и новые истории, почему всё так происходит. Она забеременела и сказала ему об этом. Он испугался и просил сделать её аборт, а спустя неделю, исчез из её поля зрения, исчез совсем, оставив её в таком положении. Поступил, как трус, как негодяй.

Роман остановил машину, взял Анины руки.

– Посмотри мне в глаза. Ты сомневаешься во мне? Я тебя

понял, ты сомневаешься. Почему?

– Потому, что я сильно тебя люблю, и очень боюсь разочароваться.

Роман вышел из машины, открыл дверь с Аниной стороны, попросив её выйти к нему. Он обнял её и стал целовать в глаза, в нос, в губы.

– Глупая моя ромашка! Если ты меня любишь, какие могут быть сомнения. Я не сомневаюсь ни в тебе, ни в себе, потому что люблю тебя так, как не любил никого. Я люблю твои красивые волосы, твои лучистые глаза, твой курносый носик с маленькими веснушками. Я обожаю твои губы, которые хочется всё время целовать, и никому не позволю к тебе приближаться. Кто был тот юноша, что провожал тебя до автобуса? Я ревную.

– Поклонник, который признаётся мне в любви каждую смену.

Роман сделал вид, что сильно обижен. Аня заглянула в его глаза и рассмеялась.

– Не думала, что ты способен ревновать. Мне никто не нужен, кроме тебя.

– Значит, твои сомнения напрасны? Анюта, ты не пожалеешь, что выбрала меня. И, ещё! У меня появилось огромное желание иметь ещё одного ребёнка, а может и двух. Как ты на это смотришь?

– У тебя есть ребёнок?

– У нас есть сын, ты не забыла? Николаша.

– Спасибо тебе. Ты самый, самый!

Какие могут быть сомнения! Только в омут, только чтоб он был рядом, чтоб любил, а остальное ничего не значит.

– Не перехвали, а то загоржусь. Мы, мужики такие, нас нужно держать в узде, не отпуская её из рук. Поехали домой, тебя там ждёт сюрприз.

– Даже, если я сильно буду тебя просить, ты его не выдашь?

– Уговорила. Серафиму Михайловну выписали из больницы.

– Правда!? – Обрадовалась Аня. – Как она?

– Держится, только она очень бледная. Ты представляешь, человек, перенёсший такую тяжёлую процедуру, нуждался бы в особом подходе к ней, а она, в первую очередь, беспокоится о муже. Только русские женщины способны на самопожертвование, отдать себя, без остатка, мужу, детям. С ними не сможет сравниться ни одна женщина мира. Они нежные и сильные, красивые, готовые на любой подвиг ради своих любимых.

– Хорошо, что в наше время, мы – женщины, сами можем распоряжаться своей судьбой. Ошибаемся часто, но это наш выбор, наше решение. Кто-то из нас готов идти за своими любимыми до конца, не смотря на все тяготы жизни, а кто-то и сворачивает с намеченной дороги. Это зависит от силы характера, от силы духа. У меня не хватило ни характера, ни духа в браке со своим мужем. Мою жизнь, с самого рож-

дения, запрограммировали на сплошную неудачу. Я не знаю ни матери, ни отца. От меня отказались приёмные родители. Мой муж проиграл меня своему собутыльнику. Что ждёт меня в будущем? Для меня, самое главное сейчас, чтобы Николаша не повторил моей судьбы. Я буду стараться, чтобы он избежал этой участи.

Роман обнял Аню, прижал её к себе. Бедная девочка, она совсем перестала верить людям. Ему предстоит немало потрудиться, чтобы вернуть ей эту веру.

– Откуда в этой хорошенькой головке столько грусти и пессимизма? Запомни, каждый человек делает свою судьбу сам, и, это в твоих руках, а я тебе помогу.

– Рома, грусть – да, но не пессимизм. Один японский поэт написал.

«Есть люди, для которых всё прекрасно.

И то им хорошо, и это по душе.

Когда бы эту лёгкость духа мне!»

– Это обо мне. Спасибо за поддержку. У меня к тебе будет просьба. Давай не будем афишировать наши отношения.

– Хорошо, как скажешь. Я уже послал Нине бумаги на развод. Теперь, дело за тобой.

Роману не терпелось как можно быстрее начать строительство часовни, получив согласие церкви, но администра-

ция поселений не спешила с бумагами на землю. Тогда он сам решил к ним пойти, а заодно сдать в автосервис машину, чтобы всё проверить, подтянуть, смазать, подготовить к зимнему периоду. С собой он захватил друзей Василия и Сергея. Те знали все ходы и выходы в посёлке, с кем можно поговорить по-товарищески, а с кем просто договориться. Оставив машину в сервисе, они пешком отправились в администрацию. Шли не спеша, мирно разговаривая друг с другом, вспоминая одноклассников, учёбу, девчонок, детские проделки. Роману было легко общаться с ребятами, не то, что с Капустиным. В их обществе он чувствовал себя тем, кем был до отъезда за границу, в своей тарелке. Вдруг, они услышали окрик.

– Шире грязь, дорога едет.

Ребята оглянулись. Сзади них шла команда поселковых молодчиков. Все в кожанках, с цепями поверх брюк, в татуировках, и по всей вероятности, под приличным хмельком. Целесообразно было бы отойти в сторону, промолчать, но Серёга не смог стерпеть такого обращения к себе с их стороны, и ответил.

– Это, кто тут грязь, а кто дорога? Мы кому-то помешали? Топайте своей дорогой.

Противная сторона не заставила себя долго ждать с ответом.

– Он ещё и разговаривает. Пацаны, посмотрите на этих клоунов.

– Откелева дровишки? Из какой глуши взялись, дяденьки?

– Не дашь, мужик, сапогов сфотографироваться? – Это они к Серёге. Тот, грешным делом, любил носить хромовые сапоги. Неизвестно только, где он их добывал.

Татуированные обступили деревенскую троицу, гогочут, как гуси на водопое. Ребята почувствовали, что дело пахнет керосином. Назревает драка. Силы были не равны, но и сдаваться не хотелось. Серёга быстро сообразил спрятаться за спину рослого Василия. Оттуда, нет-нет, да и тьякнет в сторону гогочущей толпы.

– Вася. Не стой как истукан. Натолкай этим молокососам полную задницу огурцов и все с пупырышками.

– Идите-ка ребята дальше, куда шли. Мы люди мирные, не тронь нас, и мы никого не тронем. – Решил успокоить их Роман.

А тем уже понравилось задориться, наскაკивают на троицу, как молодые петушки. Молчаливый Василий решил им пригрозить, выставляя вперёд свою могучую фигуру.

– Ну, кто смелый? Поди, сюда. Сейчас кто-то увидит небо в алмазах. – Он, таким образом, решил, что толпа отступит, и все миром разойдутся, но не тут-то было. Пацаны ещё больше взбесились. Один из их толпы, выскочил вперёд и к нему со словами.

– Ах, ты дерьмо, он ещё и угрожает.

– Это, кто дерьмо?

В Василии заговорила мужицкая гордость. Какой-то там пацан, сравнивает его с дерьмом?

– Сам дерьмо, потому что, наложенное недавно, вот и пахнешь. И, вообще: не буди лихо, пока оно тихо.

Пацанам, явно, хотелось надрать зад тем, что осмелились перечить их авторитету, и они всей гурьбой двинулись на противников. Васька давай их раскидывать по сторонам, как нашкодивших котят. Серёге досталось, он маленький, его каждый старался стукнуть, вот и наподавали ему за милую душу. Роман не отставал от своих товарищей. Не мог же он стоять в стороне, когда бьют не за что. Еле вырвался из цепких рук одного малолетки, дав ему крепкую затрецину, он поспешил выручить Сергея, которого колошматили двое. Народу собралось вокруг не меряно. Кто-то вызвал милицию. Поселковые, как увидели стражей порядка, тут же смылись. Их, как ветром сдуло. Ребят забрали в участок. Составили протокол, отняли деньги, документы и отправили в камеру, сказав, что они будут здесь сидеть за нарушение общественного порядка. Сколько не доказывали Василий с Сергеем, что они не виноваты, что их спровоцировали на драку, ничего не помогло. Оправдываться не было смысла, и они приняли решение милиции, как должное. Роман не вмешивался, но когда их стали закрывать в камере, он решил, что пришло его время, выручать себя и ребят. Он обратился к стражам на английском языке. Зная, что никто его не поймёт, не вся милиция владеет иностран-

ным языком, он говорил много, неся несусветную околесицу. Всё, что придёт ему на ум. Милиционеры смотрели на него, как на пришельца, естественно, ничего не понимая из сказанного. Когда Роман закончил свою речь, один обратился к Василию.

– Он иностранец? Что сказал?

Василий понял, что Ромка специально это сделал, чтобы выкрутиться из создавшегося положения.

– Он сказал, что вы не имеете права задерживать иностранного гражданина, и что он требует адвоката.

Только, после ответа Василия, один из милиционеров, начал рассматривать паспорта задержанных. Он ушёл в дежурку и вскоре пришёл с капитаном. Романа выпустили из камеры, но он опять заговорил на английском, показывая на ребят, отчаянно жестикулируя. Василий сообразил, что нужно подыгрывать Роману.

– Он сказал, что без нас, отсюда не выйдет, а требует телефон, чтобы позвонить в консульство.

Капитан кивнул головой милиционеру.

– Выпускай всех, да, пусть больше не хулиганят.

В дежурке ребятам отдали их вещи, паспорта и кошельки, которые оказались пустыми.

– Где деньги? – Взбесился Серёга.

– Какие деньги? Вот бумага, там ясно написано, кошелек. Что вам ещё надо? Получили их и мотайте отсюда. Сидели бы лучше у себя дома, за печкой.

Ребята молча посмотрели на Романа. Он понял, что беспредельщиков в погонах, нужно наказать. Набрал номер на телефоне, он, специально, в разговоре по нему, упоминал такие слова, как адвокат, консул, атташе. Выключив телефон, он указал друзьям на стулья. Милиции ничего не оставалось делать, как отдать содержимое кошельков. Ребята долго смеялись на улице, когда шли в обратный путь. В администрацию они не решились показываться с такими помятыми лицами. Васька, исподтишка, посматривал на Серёгу, уж очень сильно тому досталось.

– Ну и рожа у тебя, Серёга, за три дня спутником не облетишь.

Тот молча шёл, скобля землю сапогами. Молчал и Роман. Он, за десять лет, отвык от подобных стычек и обращений. Да, раньше такого не было. Что случилось с людьми? Почему, все так ожесточились? Нужно было ехать домой, но оказалось, что его машина будет готова завтра. Автобус ходил два раза в сутки: утром и вечером. Придётся десять километров идти пешком. Что он скажет Ане, когда она увидит его в таком виде. Вдруг, сзади, заскрипели тормоза. Рядом остановилась легковая машина. Из кабины выглянул молодой парень.

– Куда путь держите, мужики? Садитесь, коль не брезгуете.

Ребята никак не ожидали такого форта. Сейчас редко, кто берёт попутчиков, особенно на больших дорогах, боят-

ся. Они не заставили долго себя ждать. Удобно устроились на заднем сидении. В машине находился ещё один мужчина, который сидел рядом с водителем, и, как казалось, был не в приподнятом настроении.

– Ты, что дед, рассердился на меня? – Спросил парень соседа.

– А, как ты думаешь? – Мужчина повернулся к парню. – Вы, молодые, должны бороться за своё место под солнцем. Я ни как не могу взять в толк, как это ты, такой здоровый, грамотный, и кто ты есть сейчас? Таскаешь какие-то тюки. Целыми днями торчишь на рынке. Противно. Забыл, кем работал твой дед, кем работает твой отец?

– Да не забыл я, не забыл. – Ответил парень. – Всё помню хорошо. Ты – металлург, батя – металлург, а я – торгаш. Что прикажешь делать, если нет достойной работы? Ну, нет её, нет! – В сердцах крикнул парень, и переключился на другую скорость. Дед внимательно посмотрел на внука, потом молча, как бы сам себе, сказал.

– Я был совсем юнцом, когда началась война, еле дождался, когда она закончится. После окончания училища восстанавливал город, потом, в пятидесятых годах, пришёл работать на завод. Сначала строил его. Потом выучился на горного, и там проработал до самой пенсии. Да и после пенсии не смог усидеть дома. Рабочих рук не хватало, стал учить других, молодых. А батяка твой? Институт окончил и на завод. Я гордился им. Думал, что и внук пойдёт по нашим сто-

пам. Династия, думал. – Он тяжело вздохнул и опустил голову.

Парень посмотрел на деда и сказал.

– Ну, что ты, дед! Не переживай, вот наладится всё, может и я буду работать на твоём заводе. Что это ты раскис?

Он погладил деда по плечу. В его словах чувствовалась растерянность, неуверенность. Дед снял руку внука с плеча, глубоко вздохнув, сказал.

– Мне за свою Родину обидно!

– Ну, дед, ты даёшь! Мы это уже слышали однажды.

– Ничего я не даю. – Рассердился дед. – Не грех это чаще вспоминать. – Он повернулся к парням на заднем сидении и спросил.

– Вы, как думаете, ребята? Вы как будто, подрались с кем-то?

Ребята в знак согласия, молча кивнули головой, и коротко рассказали о своих приключениях. Дед охал и ахал.

– Не то растёт поколение, не то. Что им надо? Мне, пожилому человеку, не понять.

Так в разговорах доехали до развилки, откуда до дома, было рукой подать. На прощание дед сказал.

– Вы, ребята, не держите зла на этих парней. Им, тоже, не сладко живётся. Тех пацанов, ещё, как надо скрутит жизнь, не раз зубами об стол стукнет. Вот вы и будете в расчёте.

Поблагодарив и попрощавшись, друзья двинулись к своей

деревне. На душе сразу посветлело, идти стало легче.

Василий посмотрел на друзей и изрёк.

– Знаете что? Оскорбить может только плохой человек. Обрадовать – хороший. Пусть хороших людей будет как можно больше.

С лёгкой душой они продолжили свой путь домой.

– Ребята! Кто-то, кого-то встречает. – Серёга украдкой, исподтишка посмотрел в сторону Романа.

Это была Аня с Николашей. Обеспокоенная его долгим отсутствием, она решила выйти ему навстречу. Увидев её, у ребят улетучились остатки злобы, ненависти к людям, которые посягнули на их свободу. Серёга посмотрел на друзей и сказал.

– Знаете, что я скажу. Ну их всех в баню. Чего все лезут в эти города? Ничего хорошего там нет. Дома лучше. Дома тебя и стены согревают. Я деревенский. И здесь всё моё. Каждый должен быть на своём месте. Здесь я всё могу, здесь я всё умею. Здесь мои корни, со мной мои друзья, семья. Как думаете? А?

– А, то! Твоя, правда, здесь наши корни!

Все трое обнялись. Посмотрели друг на друга. Не оглядываясь назад, они пошли вперёд.

– Что с тобой? Где тебя так?

Он взял её руку, приложил к синяку под глазом, виновато посмотрел ей в глаза.

– Ничего страшного не произошло. Пришлось немного подраться. Вспомнил молодость. Пройдёт. Тебя это не должно волновать.

– Рома. Если меня не должно волновать, то, что с тобой будет происходить, зачем нам быть вместе.

– Прости меня, Анюта. Я не подумал над своим ответом. Ты ещё так молода, что хочется оградить тебя от всех неприятностей.

– Я знаю, что моложе тебя. До встречи с тобой, как могла, сама справлялась со всеми проблемами, которые были на моём пути. Прошу об одном, не разговаривай со мной, как с ребёнком. Я хочу равных отношений со своим мужчиной, если он таковым является.

Они остановились на том месте, где Петрович с Романом облюбовали место для строительства часовни. Это было небольшое полько, находящееся рядом с деревней. На нём, когда-то дед Романа косил траву. Сейчас оно стояло заросшее бурьяном и молоденькими берёзками. Роман представил себе, как дед переживал, что в силу своей немощности и пожилого возраста, не может больше ухаживать за любимым полем. Он должен сделать всё, чтобы это поле, заиграло новыми красками. Кроме часовни, Роман планировал здесь посадить сад с фруктовыми деревьями, чтобы лю-

ди со всей округи приходили сюда, любовались ухоженной окрестностью, отдыхали душой и телом. Пусть не многие будут знать, в честь кого было всё сделано, но они никогда не забудут своих родителей, дедов, прадедов. Аня права, размышлял Роман. Она не ребёнок, каким ему хотелось её видеть. Ему хватило сверх головы, влияния на него жены Нины. Властная, корыстолюбивая, она отбила в нём все чувства к таким женщинам. Ему хотелось иметь рядом с собой нежную, кроткую, любящую девушку, которая не станет подавлять его интеллект, его волю. Это не говорит о том, что он сам хочет властвовать. Ни в коем разе, нет! Сейчас Аня показала, что с ней нужно считаться, и это правильно, но ничтожно маленький червячок, в душе Романа, проявился. Один раз обжёгшийся человек, будет всегда дуть на горячее молоко. Он тряхнул головой. Нет! В Ане он уверен. Они родственные души. Оба прошли не лёгкий путь, каждый в своём браке. Они должны идти своей дорогой. Может быть это будет нелегко, но на ошибках люди учатся.

Аня, со стороны наблюдала за Романом. Её слова задели его самолюбие. Она это хорошо увидела на его лице, выражение которого менялось каждую минуту. Он сомневается в ней, иначе бы давно ответил на её слова. Правильно ли она поступила, резко одёрнув его? Может нужно было промолчать и постепенно доказать ему, что она не такая несмышлёная, маленькая, беспомощная? После драки кулаками не машут. Не брать же свои слова обратно. Он взрослый мужчина,

должен её понять.

Роман, как будто услышал мысли Ани. Он с большой нежностью обнял её и сказал.

– Ты права. Я тоже хочу равных отношений. Но, ты должна понять меня, что я мужчина и хочу заботиться о тебе, оберегать, не нагружать своими промахами, любить и самому быть любимым.

– Хорошо. Будь, по-твоему. Ты самый настоящий мужчина, которого я очень люблю. Люблю так сильно, что я согласна на всё, только не на обман. Я не переживу, если со мной случится то, что уже было.

– Дядя Рома, дядя Рома! – Услышали они детский голос и увидели, что к ним бежит сосед Андрюшка. – Тебя ищет дед Петрович.

– Что случилось?

– Там тётка Марья Капустина бунтует. Володька побил дядьку Ивана.

Аня с Романом ничего не поняли из его сбившегося рассказа, подхватили Николашу за руки и побежали к дому. Петровича они встретили уже идущего от дома Капустиных.

– Привет, Петрович? – На ходу крикнул Роман.

– И тебе не хворать! – Ответил Петрович. – Раньше было как? Встретишь, бывало, знакомого, приподнимешь головной убор, подашь руку и скажешь: Николаю Ивановичу. Он ответит: Кузьме Петровичу. Тут тебе и здравствуйте, и, как здоровье, и, как дела. Приятно. А, сейчас перестали

друг другу руки подавать, желать встречному здравствовать. Встретятся: привет, привет и побежали дальше. Всё на ходу. Никакого уважения друг к другу, не говоря уж, о старшем поколении.

– Мне стыдно, Петрович. Хороший урок я от тебя получил. Что у Капустиных случилось?

– Что у них может случиться. Опять Вовка, чёрт его подрал, дебоширит дома. Совсем родителей не чтит. Не спорю, сами они виноваты, что распустили его. Ты помнишь его старшего брата? Его убили перед тем, как Вовка вернулся из армии. Мария с Иваном и решили, любыми путями сбереечь Володьку. Не отпускали его работать в город. Он стал клянчить у них на выпивку, они не отказывали. Вот и получился у них сын, какого вы видите каждый день. Мало того, что пьёт, так стал руки распускать. Сегодня побил отца. Мы вызвали участкового, так Мария на нас всех собак спустила. Горой стоит за сына. Слушай, а ты где был, и почему с синяком?

Роман вкратце рассказал ему, что с ним случилось в посёлке. Петрович лукаво улыбался сквозь свои пышные усы, слушая рассказ Романа.

– Принял боевое крещение на Родине. Будешь теперь знать, каково это её покидать. В администрацию, конечно, не попал по причине ранения? Ну, ничего, не расстраивайся. Бумаги уже у меня, почтальонша принесла. Я, потому, тебя и искал. Нужно поговорить. Я тебе, вот что предла-

гаю. Не нужно часовню строить из дерева. Мало ли дураков на свете, возьмут, да подожгут. Все труды пойдут прахом. Предлагаю её построить из кирпича, будет дешевле и надёжнее. Правда, скоро пойдут заморозки, так что начнём дело с весны. Согласен? Вот и хорошо.

Роман обрадовался, что все препоны по строительству часовни пройдены. Ему не терпелось поскорее начать действовать, но доводы Петровича были обоснованы. Что ж, без дела он сидеть, не намерен.

Свои отношения, по просьбе Ани, они тщательно скрывали, и на людях, держались отдельно друг от друга, хотя, Роман не боялся пересудов. Кому какое дело до них. Также, он понимал Аню. Из любви к ней, он не настаивал, берёт её чувства, даже не показывал их при её сыне. Он привязался к мальчику, они дружили. Роман делал всё, чтобы Николаша чувствовал с ним свободно, и это у него получилось. Куда бы он ни шёл, чтобы ни делал, всегда брал его с собой, и тот, в ответ, отвечал Роману своей непосредственной дружбой, привязанностью. Сегодня они собирались с ним на речку, чтобы посмотреть, как готовятся бобры к зиме, как строят хатки. Роману и самому было интересно вспомнить, как в их далёком детстве, он с друзьями лазил по берегу в поиске жилья бобров, которых в то время, было много. Также, они ловили речных нутрий, вытаскивали из-под берега раков, делали плоты и плавали на них по реке. Одни воспоминания об их проделках, тепло отзывались в его сердце, душе.

– Роман Максимович? Что же вы проходите мимо, когда-то знакомой вам калитки? – Услышал он голос Зинаиды, выглядывавшей из-за забора. – Зашли бы на минутку.

Пришлось остановиться. Не в его характере обижать женщину.

– Боже! Где это вас так разукрасили? Заходи, буду лечить твои раны, тем более что два, тебе знакомых товарища, уже здесь. Сидят с примочками. Ладно, они подрались, но от тебя я такого не ожидала.

– Не мог же я стоять в стороне, что я хуже их.

– Дурни, вы дурни, хоть и взрослые совсем. – Она рукой остановила его ход. – Ответь на один вопрос. Это правда, что ты с Анькой? Ты любишь её?

Опять она за своё. Почему женщины бывают так настойчивы? И, что он должен ей ответить, когда дал слово Ане скрывать их отношения? Не дождавшись его ответа, Зинка сама сделала вывод.

– Молчишь, значит, любишь. Не пойму только, чем я хуже её, что во мне не так?

– Всё в тебе так, и ты никого не хуже. Просто, я другой. Ты зря меня идеализируешь. Я простой, как сибирский валежник. Люблю тихую, спокойную жизнь, без встрясок, без всего того, что любишь ты. Извини, мне в другую сторону.

– Ромка, а синяк? Его же нужно вывести? – Попыталась, ещё раз, остановить его Зинка.

– Не нужно. Ты прости меня, Зина. Прости за прошлую

жизнь, за то, что волей не волей, заставил тебя испытывать ко мне какие-то чувства. Люди меняются, и в конечном итоге, они не могут ничего сказать друг другу, даже, если они были друзьями в прошлом году. Не обижайся.

Зинка, с досады, стукнула рукой по штaketнику, тихо застонав от боли, то ли от физической, то ли от того, что все её надежды рухнули окончательно. Она с тоской смотрела ему вслед. Огромная слеза выкатилась из глаза, прокатилась солёной струйкой по губам. Машинально слизнув её, она всхлипнула, и тут же, осушив глаза, подняв гордо голову, пошла к себе. Никто не должен был видеть её плохое настроение. Она ещё поборется за своё счастье.

16

Сегодня Роман, наконец-то, договорился с поставщиками кирпича и пиломатериалов. Сейчас, он торопился, как можно скорее приехать к себе домой. Он целый день не видел Аню, очень скучал по ней, представлял, как войдёт домой, обнимет её, крепко прижмёт к груди и будет бесконечно целовать, ласкать. Сердце его, от одной только такой мысли, готово было разорваться на маленькие кусочки и разлететься в разные стороны. Где же он был раньше? Что делал без неё? И как он мог жить, не зная такой сумасшедшей любви? Сейчас, сейчас, он будет дома! Резко нажал на педаль тормоза, не вынимая ключ из зажигания, весь в нетерпении, он рас-

крыл калитку своего двора. За столом, который стоял у летнего домика, сидели Петрович, Серафима, Аня с Николашей и Иван Капустин, отец Володьки Капустина. Лицо Романа вытянулось с досады, его глаза, из ярко-голубого тона, потемнели. Он смотрел на Аню с вопросом, как же так? Я так спешил к тебе, моя любовь! Аня поняла его настроение и ласково ответила своим взглядом. Потерпи, любимый! Очень тебя прошу. Он всё понял.

– А, вот и наш Ромка! Как съездил? – Не дождавшись ответа, Петрович Начал рассказывать Роману о трагедии в доме Капустиных. – На старости лет, этот чудик, из дома, от семьи решил уйти. Не понимают его, видите ли. Вот, давай, рассказывай, в чём дело? Почему тебя не понимают? Сейчас разберёмся, кто там прав, а кто виноват.

– Надоело всё. Что ни делаю, всё не так, всё с укором. А, не я ли, всю жизнь, только и делаю, что работаю, гну спину, а им всё неладно. Вот и решил немного отдохнуть. Пожить, как люди-то нормальные живут, да видать, слишком заотдыхался. Раньше-то, телевизор некогда было посмотреть, а тут, парень, прилип к нему, от скуки, не оттащить. Смотрю всё подряд: фильм, новости, спорт, про то, про это. Передач игровых столько, что только успевай на кнопки нажимать, полная смехопанорама и поле чудес. Короче говоря, я с самого утра на посту у своего телика. Телевизор стал для меня и театром, и кинотеатром, и Думой, и Белым Домом. Там я встречаюсь со всеми, так как там мы все равны.

Марья-то моя то в кухне, то в огороде. В общем, по своим делам крутиться. А мне бы и поделиться впечатлениями с кем-то. Стал я к ней приставать.

Марья! Ты почему никогда не поёшь? Смотри, вон баба в телевизере какие-то таблетки выпила и запела «конфетки-бараночки». Может и тебе такие же купить?

– Отстань от меня, не до песен.

Мне опять охота поделиться. Я говорю ей.

– Продаётся «Чёрный квадрат» Малевича. Стоит больших денег. Марья! Говорят – шедевр.

– А какие большие? – Подала она голос.

– Десять миллионов не наших. На наши, если? Так и не счесть! И что же это за квадрат такой, Марья? А? Я так мыслю, Марья, ожил бы сейчас этот Малевич, то что бы он сказал про свой квадрат? Мне так кажется, что на этом месте, у художника чего-то не получилось, замазал он неудавшееся творение чёрной краской, вставил в раму, как память о чём-то несостоявшемся. А, тут, смотри-ка, какие деньги крутятся. Я бы продал, раз доллары дают. Всю бы нашу механизацию на ноги поставил! Чего только не балаболят.

– Не нравится, так не смотри. – Говорит мне Марья. – Чего ты в этот ящик глядишь-зыришь, глаза пузыришь. Кончай рекорды ставить у телевизора. На дворе уже скоро белые мухи полетят, а у тебя в делах конь не валялся. Другие мужики – глянь, как работают.

– Где ты видишь мужиков? – Спрашиваю я её. – Вдвоём

мы тут и нечего мне тыкать пальцем. Сам знаю, что мне делать. Я пенсионер. Имею право на отдых.

А у неё про всё есть ответ.

– Это городские пенсионеры пролёживают свои бока на диванах у телевизора, да просиживают зады на скамейках во дворах. Тебе таких привилегий нет. Если ты летом не потопаешь, то зимой не очень-то полопаешь.

– Ну и тёмная же ты, Марья. Разочаровался я в тебе.

ООох! Что тут поднялось. Пыль до небес.

– Ах, ты, паршивец! Мало того, что ты все дела забросил из-за этого ящика, так ещё и коришь меня? Вот уж я тебе устрою!

– Чего ты устроишь, чего? – Тут и меня заело. – Ты окромя лопаты, да ложки с ножом в руках не держала. Устроит она мне!? Держи карман шире!

Знаете, а и устроила! Утром, как ни в чём не бывало, подкатила ко мне с просьбой.

– Дедушко! Чтой-то, мы давно грибков не едали. В лесу живём ведь, сходил бы по грибки-то?

Бьёт меня по моим слабым местам. Я жуть, как люблю грибы в сметане. Откуда мне было знать, что у этой бабы в голове созрело. Пошёл я, значит, в лес. Немного и ходил. От силы два часа. Целый кузовок принёс.

– Марья! Ты где? Принимай грибы!

Сам быстро скинул сапоги и к телевизору, как раз на новости успел. Включаю. Что такое? Не фурычит мой телеви-

зор. По всем каналам прошёлся, везде молчок. Ящик мой онемел, оглох, ослеп. Никаких признаков жизни. Что за дела? Электричество есть, а он молчит. Уж я крутился около него, вертелся, как лиса около кувшина. Как заглянул сзади-то! Мать моя женщина! Антенны-то нет! Вот где собака зарыта! Кричу на весь дом.

– Марья! Поди сюда! Кому говорю, поди сюда! Не зли меня, не то весь дом на щепки пушу. Где антенна? Подавай её сюда, иначе худо дело будет. Если, сейчас же, сию минуту, не отдашь, то прощай навеки. Нам с тобой не по пути.

Думал, что прошибу её своим заявлением. А, она, так, с прохладцею отвечает.

– Посмотрим, посмотрим, кому не по пути. На дереве твоя антенна. Беги скорей, а не то вороны гнездо на ней совьют.

Я схватился за голову. Сами знаете, какая большущая берёза около нашего дома стоит. Ей уж поди-ка лет сто будет, а не то и больше. Подбежал я, значит, к ней. Вижу, рядом лестница стоит. И, как это Марья смогла антенну-то затащить, я вот, до сих пор понять не могу. В запальчивости-то, я туда залез. Схватил антенну-то, как глянул вниз, у меня всё поплыло перед глазами. Высоты ещё с детства боялся. А Марья, бесово отродье, ещё и лестницу отставила в сторону. Меня, аж, пот прошиб. Караул! Чего делать-то мне теперь?

– Марья! – Кричу. – Чёртова баба! Ты чего это удумала? Как я слезу-то теперь?

– Никак. Будешь там со своею антенною новую жизнь себе ладить. Если надо, то я и телевизор туда отправлю. – Стоит на крылечке. Семечки пощёлкивает.

Вот она месть женская! Сообразила ведь, как меня уесть. Придётся идти на компромисс.

– Анна! У тебя парень давно носом клюёт. Поди, положи его спать. На чём я остановился? А! Вспомнил.

– Марья! – Кричу я ей. – Объявляю перемирие. Ставь лестницу, будем договариваться.

– А, я – нет! Я ещё должна подумать как следует, мириться с тобой, али погодить.

И ушла в избу. Долго её не было. Наконец показалась. Я ей телеграфирую.

– Марья! Есть хочу. Не уж-то, не жаль мужа. Совсем заморила голодом, старая.

– Сымай штаны. – Кричит она мне. – Покажи мне свою задницу. Хочу увидеть, не заросла ли она у тебя паутиной.

– Дура старая! Нет у меня там паутины.

– Тогда не ври, что я заморила тебя голодом. На, вот, тебе. – И подаёт мне на удочке кусочек чёрного хлеба. А, мне-то, не достать никак. Пришлось на пару веток спуститься вниз. Тогда я решил Марью изводить своими просьбами.

– Марья! Мне бы до ветру.

Она стоит руки в боки и улыбка до ушей.

– Ты и так на ветру, шпась на все четыре стороны.

– Ну, Марья! Я тебе это припомню. Ты ещё попросишь

меня в лес сходить. Пить хочу, без воды человек не может долго прожить. Вот помру, ответ с тебя.

Видать подействовало на неё такое моё заявление.

– Сколько времени человек может без воды продержаться?

– Слышал, что всего семь суток.

Тут уж я подумал, что она сжалится надо мной, поставит лестницу. Так, нет! Она, видать, добивалась полной моей повинности, а из дома так вкусно потянуло жареными грибами, что я чуть собственными слюнями не изошёл, под рёбрами засосало. После, ещё двухчасового сидения на берёзе, она добилась, таки своего. Пошёл я на все её ультиматумы. А, что мне было делать? Согласился я на все её требования. Мне поставили лестницу и позволили слезть. Пришёл я домой, съел все грибы. Собрал котомку и к дверям.

– Куда собрался, арестованный? – Услышал я её голос.

– Не хочу жить с той, которая ущемляет волю близкого тебе человека. Прощевай, пока.

За столом наступила тишина и молчание. Петрович теребил свои пышные усы, было непонятно его отношение к рассказу Ивана. Серафима не скрывала улыбку. Аня не понимала, как из-за такого нелепого разногласия между супругами, можно разойтись по разным сторонам совместную жизнь. Роман откровенно смеялся над рассказом Капустина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.